

ISSN 2410-2164

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК №47

Российский химико-технологический
университет имени Д.И.Менделеева

МОСКВА
2016

**Исторический вестник
РХТУ**

**им. Д.И. Менделеева
№ 47 (1) 2016 г.**

*Учредитель
Российский
химико-технологический
университет
им. Д. И. Менделеева*

Жуков А.П. - отв. редактор
Денисова Н.Ю. -
отв. секретарь

Мнение редакции может
не совпадать с позицией
авторов публикаций

Перепечатка материалов
разрешается
с обязательной ссылкой
на «Исторический вестник
РХТУ им. Д. И. Менделеева»

Верстка *А.Ю. Ильин*
Обложка *А. В. Батов*

Сдано в печать 20.06.2016
Усл. печ. л. 5,0. Тираж 100 экз.
Заказ 44 .

**Центр истории РХТУ
им. Д. И. Менделеева
и химической технологии**

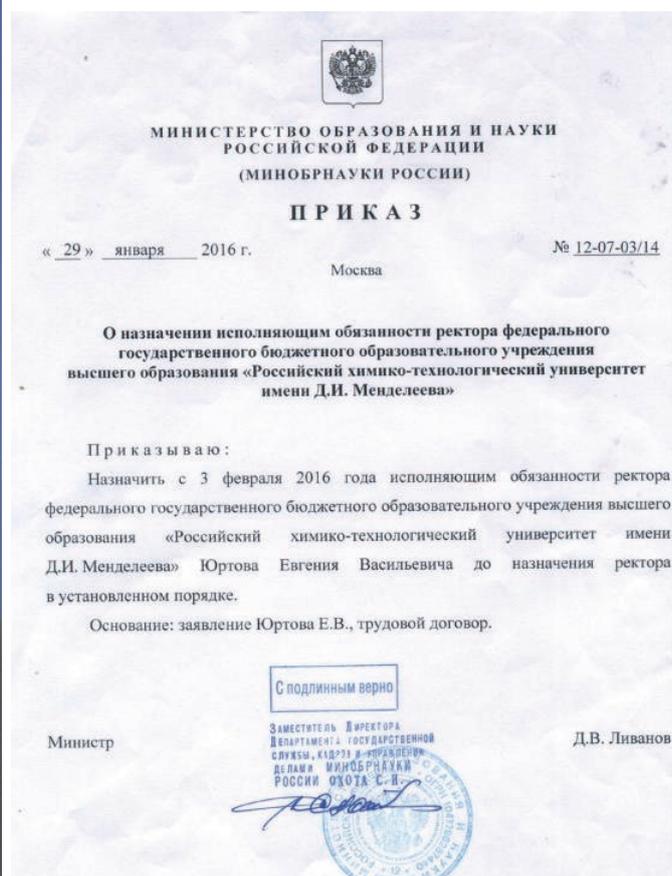
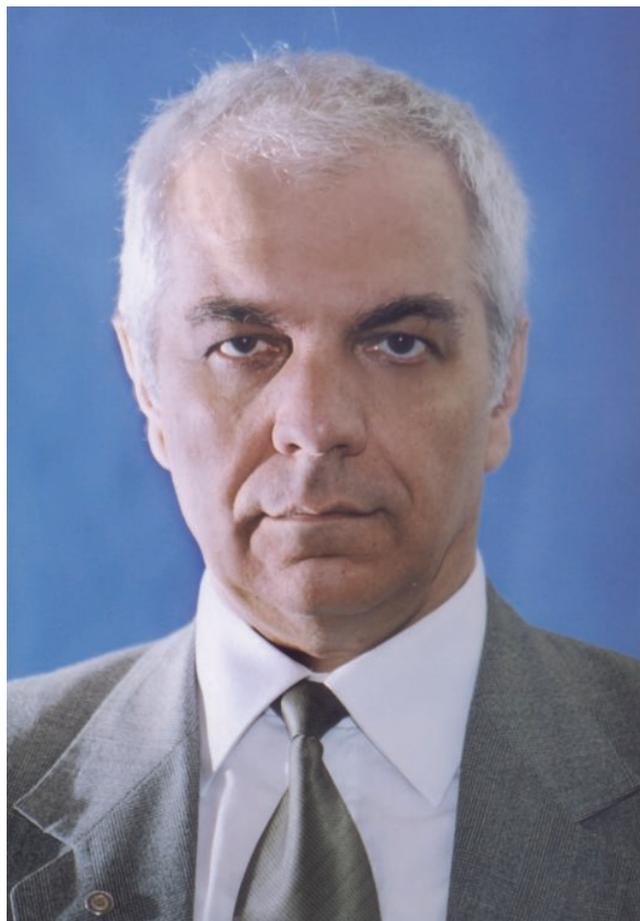
Адрес университета:
125047 Москва,
Миусская пл., дом 9.
Телефон для справок
8-499-978-49-63
E-mail: mendel@muctr.ru

Электронная версия:
[http://muctr.ru/cullife/
newspaper/archives.php](http://muctr.ru/cullife/newspaper/archives.php)

© Российский химико-тех-
нологический универси-
тет им. Д.И. Менделеева,
2016

Содержание

КОЛОНКА РЕКТОРА	3
ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ЛЕГЕНДА МЕНДЕЛЕЕВКИ – А.Ф. КАПУСТИНСКИЙ <i>В.А. Василёв</i>	4
POST MORTEM ПАМЯТИ ВИКТОРА ФЕДОРОВИЧА ЖИЛИНА <i>Татьяна Сапронова</i>	8
ДИНАСТИЯ ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ – ВЫПУСКНИК МЕНДЕЛЕЕВКИ <i>В.Г. Лемешев</i>	10
ПУБЛИКАЦИИ МОЙ КОКАНД <i>Б.С. Шейнин</i>	15
ДОКУМЕНТЫ СПИСОК ПРОФЕССОРОВ МХТИ ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА, УТВЕРЖДЕННЫХ ГУСОМ 1928(?) ГОДА	23
МЕНДЕЛЕЕВЦЫ ПРОФЕССОР МЕНДЕЛЕЕВКИ КОТЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ <i>Н.Н. Макеев</i>	24
МЕНДЕЛЕЕВЦЫ ПРОФЕССОР МЕНДЕЛЕЕВКИ ОПАРИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ <i>К.Л. Гладилин</i>	26
ВЫПУСКНИКИ ОТ «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЫ» ДО ВЕЧНОГО ОГНЯ <i>Памяти С.А. Джобадзе</i>	29
ВЫПУСКНИКИ МИХАИЛ ВЯЗЕМСКИЙ – ПАРТИЗАН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ <i>Памяти М.М. Вяземского</i>	32
ПУБЛИКАЦИИ WASSERREINIGUNG – 1946 <i>П.П. Линник</i>	34
ДОКУМЕНТЫ ЖИЗНЬ В ПОДЛИННИКАХ <i>Документы из архива академика В.В. Коршака</i>	40

**Исполняющим обязанности ректора РХТУ им. Д.И. Менделеева
назначен член-корреспондент РАН, профессор,
д.х.н. Евгений Васильевич Юртов**

С 3 февраля 2016 г. исполняющим обязанности ректора Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева согласно приказу № 12-07-03/14 Министерства образования и науки РФ назначен Юртов Евгений Васильевич.

Юртов Евгений Васильевич родился в 1947 г. в Москве. В 1971 г. окончил МХТИ (с 1992 г. РХТУ) им. Д.И. Менделеева, инженерный физико-химический факультет (ИФХ), кафедру технологии редких и рассеянных элементов. В 1975 г. после окончания аспирантуры работал ассистентом на кафедре технологии редких и рассеянных элементов МХТИ им. Д.И. Менделеева.

В 1991 г. защитил докторскую диссертацию в МХТИ им. Д.И. Менделеева, профессор.

В 2000 г. – избран членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению химии и наук о материалах.

С 2003 г. - зав. кафедрой наноматериалов и нанотехнологии РХТУ им. Д.И. Менделеева.

Лауреат Премий Правительства Российской Федерации в области науки и техники (2007) и в области образования (2011).

ЛЕГЕНДА МЕНДЕЛЕЕВКИ - А.Ф. КАПУСТИНСКИЙ

(к 110 – летию со дня рождения)

В.А.Василёв, профессор кафедры ОНХ

«В короне Менделеевского института бриллиант по имени Анатолий Фёдорович Капустинский сияет своим неповторимым блеском».

Из выступления С.В. Горбачёва на заседании Учёного совета МХТИ, конец 1950-х гг.

Вначале краткая характеристика. А.Ф. Капустинский был блистательным лектором и докладчиком. Его выступления отличались глубиной содержания, совершенством формы, красочностью и богатством языка. «На Капустинского» ходили, как в театре ходят на знаменитого актёра. Это был учёный мирового уровня, поражающий своей многогранностью. Его творчество – россыпь оригинальных идей в ряде областей химии. Он неоднократно достойно представлял нашу науку на международных конгрессах и конференциях (Сан-Франциско, Париж, Будапешт, Варшава, Берлин). Наконец, это интеллект, всесторонне образованный, остроумный, яркий, всегда элегантно одетый человек.

Родился А.Ф. Капустинский 29 декабря 1906 г. в Житомире (напомню, что этот город нашей культуре и науке дал так-

же В.Г.Короленко и С.П. Королева). В 16 лет стал студентом МГУ. До этого был рабочим на фабрике красок ВХУТЕМАС и одновременно завершал среднее образование. В университете Анатолий Капустинский начинает активно заниматься научной работой. Именно тогда под влиянием академиков И.А. Каблукова и Э.В. Брицке формируется круг его научных интересов – исследования в области кристаллохимии и термодинамики неорганических веществ. Затем был Всесоюзный институт прикладной минералогии (ныне ВИМС) и работа под руководством академика Э.В. Брицке. Итог сотрудничества – всемирно известные исследования по термодинамике оксидов и сульфидов, открытие, независимо от английского учёного П.Х. Эммета, явления термической диффузии при восстановлении оксидов водородом. Эти работы способствовали нахождению оптимальных условий получения металлов из руд. Тогда же было получено знаменитое уравнение Капустинского для энергии кристаллической решётки, написан ряд книг. Были вычислены значения произведения растворимости многих сульфидов и ряда других веществ, вошедшие в справочники.

В 1930г. начинается преподавательская деятельность А.Ф. Капустинского – работа ассистентом в МВТУ. Затем выход на профессорский уровень: руководство кафедрами физической химии в Горьковском университете (1934–1937) и Московском институте стали (1937–1941). Уже на первом этапе своей научной деятельности А.Ф. Капустинский проявил себя блестящим экспериментатором,

ряд его решений отмечен оригинальностью – например, при исследовании окисления диоксида серы использовалась платиновая проволока, игравшая одновременно роль нагревателя, катализатора и термометра сопротивления (работа, посвящённая физико-химической теории контактного способа получения серной кислоты).

В 1935г. А.Ф. Капустинский был откомандирован в Англию и США для ознакомления с постановкой высшего образования и научных исследований. Пять месяцев работал в Калифорнийском университете в лаборатории выдающегося физико-химика Г.Н. Льюиса. Это была чрезвычайно полезная и интересная стажировка – ведь научная школа Льюиса пользовалась всемирной известностью (из неё вышли двести семьдесят девять докторов наук и двадцать лауреатов Нобелевской премии). В США А.Ф. Капустинским были выполнены пионерские работы по изучению изотопного эффекта (на примере протия и дейтерия). Он стал одним из основоположников термохимии изотопов.

В первые военные годы А.Ф. Капустинский работал заведующим кафедрой физической химии в Казанском университете. С 1943г. и до конца жизни он заведовал кафедрой общей и неорганической химии МХТИ имени Д.И. Менделеева, одновременно возглавляя лабораторию термохимии и тензометрии в ИОНХе и в 1945–1949 гг. работая профессором МГУ. В этот период А.Ф. Капустинский с сотрудниками (Н.М.Селиванова, М.С.Стаханова, К.К. Самплавская и др.) проводит в МХТИ экспериментальные исследования по термодинамике селенидов,

теллуридов, карбонатов, оксалатов, селенатов, силикатов и некоторых других веществ. Полученные данные по энтальпиям и свободным энергиям образования веществ вошли в широко известные справочники «Термические константы неорганических веществ» (Москва, 1949; А.Ф. Капустинский среди составителей справочника) и «Selected values of chemical thermodynamic properties» (Washington, 1952).

Одновременно А.Ф.Капустинский ведёт экспериментальные и теоретические исследования в области растворов, развивая в этой области структурно-термодинамическое направление. Им разрабатываются представления о структуре растворителя и раствора, координационном числе и радиусе иона в растворе, связи термодинамических свойств растворов электролитов с природой раствора. В нашей стране А.Ф. Капустинский становится лидером изучения механизма гидратации ионов в растворах. Его единомышленниками в этой области были известные советские учёные К.П. Мищенко (Ленинград) и Н.А. Измаилов (Харьков). О.Я. Самойлов

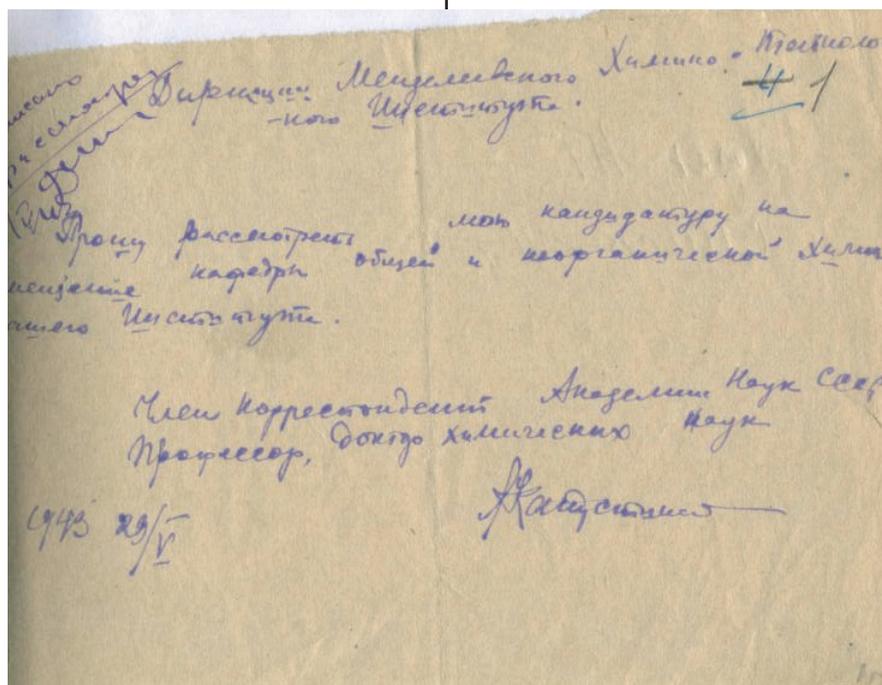
в лаборатории А.Ф. Капустинского в ИОНХе разрабатывает кинетическую трактовку процесса гидратации, вводит представления о «положительной» и «отрицательной» гидратации ионов. Были заложены основы теории теплоёмкости растворов электролитов, в дальнейшем получившей развитие в работах учеников А.Ф. Капустинского – С.И. Дракина, автора этих строк с сотрудниками (А.Н. Новиков и др.). А.Ф.Капустинским совместно с К.Б. Яцимирским (Иваново) многое сделано для становления термодинамики комплексобразования. В частности, введено понятие «термохимический радиус иона» и осуществлён расчёт этой величины для ряда сложных ионов, включая комплексные.

А.Ф. Капустинский признавал только прецизионные измерения (лишь с их помощью можно познать «тонкие» физико-химические взаимодействия, только на их основе возможно пополнение справочных данных). От сотрудников и аспирантов он требовал изготовления экспериментальных установок, соответствующих мировому уровню. В итоге, под его руководством были созданы микрокалори-

метр, адиабатический, термографический, «золотой» и «ледяной» калориметры, точные денсиметрические установки. В МХТИ совместно с И.И. Рузавиным разработана прецизионная установка для определения теплопроводности растворов.

В области растворов А.Ф. Капустинский считал себя учеником академика И.А. Каблукова. Отметим, что И.А. Каблуков в своё время стажировался в лабораториях А.М. Бутлерова и В. Оствальда, воспринял их многие идеи. С другой стороны, И.А. Каблуков – научный последователь Д.И. Менделеева и С. Аррениуса, обобщивший результаты их работ для развития представлений о сольватации ионов в растворах. А.Ф. Капустинский сотрудничал с академиком А.Е. Ферсманом, учеником академика В.И. Вернадского. Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, С. Аррениус, В. Оствальд, И.А. Каблуков, Э.В. Брицке, Г. Льюис, В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман – великолепная научная родословная, подкреплённая его собственным талантом, вырисовывается у А.Ф. Капустинского. В 33 года он становится членом-корреспондентом АН СССР (почему А.Ф. Капустинский не стал академиком, хотя дважды баллотировался, - отдельный вопрос; великий Д.И. Менделеев тоже не был российским академиком).

Кратко укажем некоторые другие научные разработки А.Ф. Капустинского. Это применение Периодического закона химических элементов Д.И. Менделеева в различных областях химии: формулировка «правила термохимической логарифмики», установление связи ряда свойств растворов с Периодической системой. У него интересные работы о структуре Периодической системы и местоположении водорода в ней, о вырождении периодичности свойств химических элементов при сверхвысоких

(~50–120 тыс. атм.) давлениях (работа «К теории Земли»). Им сформулирован Четвёртый постулат термодинамики (1945): «По мере сжатия чистой кристаллической фазы до нулевого объёма (при сверхвысоких, приближающихся к бесконечно большому значению давлениях) энтропия кристалла становится равной нулю». Работал А.Ф. Капустинский и в области физико-химического анализа, при этом объектами исследований были не только неорганические, но и органические соединения. Так, им совместно с С.И. Дракиным методами физико-химического анализа установлено образование «кристаллобензолятов» и объяснена природа связи в них. Совместно с Ю.П. Барским физико-химический анализ впервые применён в химии витаминов. Интересы А.Ф. Капустинского распространялись и на теорию атома: им проведён расчёт толщины электронных слоёв у атомов химических элементов, а закон Авогадро получил распространение на электронное строение атомов и ионов. Одно из любимых направлений научной деятельности А.Ф. Капустинского – история химии (здесь у него большое число интересных публикаций – о жизнедеятельности Д.И. Менделеева, М.В. Ломоносова, Г.И. Гесса, И.А. Каблукова, Н.С. Курнакова, А.Е. Ферсмана, Ж. Пруста, А. Авогадро, Г.Льюиса и др.). Он возглавлял Национальное объединение советских историков химии.

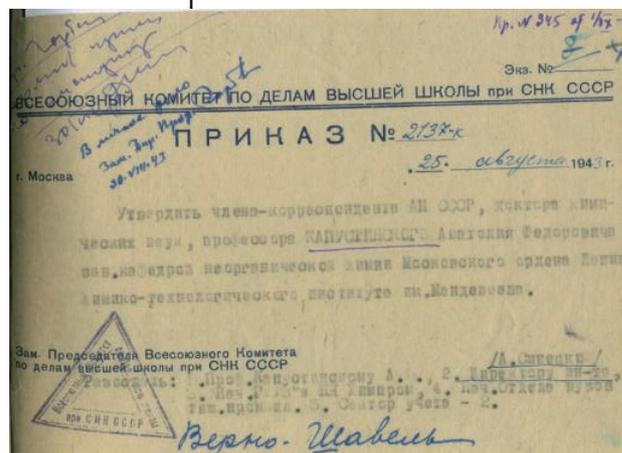
Огромное внимание А.Ф. Капустинский уделял вузовским лекционным курсам, причём их демонстрационное сопровождение у него всегда было продуманным, ярким по исполнению. На протяжении своей многолетней профессорской деятельности он читал курсы общей и неорганической химии, физической химии, теоретических основ современной

неорганической химии, химии изотопов, методики научного исследования и др. А.Ф. Капустинский принимал активное участие в издательской работе (второе издание Большой Советской Энциклопедии, серия «Классики науки», перевод на русский язык и издание капитальных трудов Ф. Гетмана и Ф. Даниельса «Основы физической химии», Г. Харнеда и Б.Оуэна «Физическая химия растворов электролитов», В. Эйтеля «Термохимия силикатов», О. Кубашевского и Э. Эванса «Термохимия в металлургии»).

А.Ф. Капустинский был строгим руководителем (знаю по себе – я его последний аспирант). Он не терпел неаккуратности (при точных исследованиях – это особенно большой грех). К его приходу на работу в кафедральных помещениях наводился особый порядок, а главное, каждый сотрудник и аспирант знал, что он в любой момент может быть приглашён к заведующему кафедрой с промежуточным отчётом о сделанном. Правда, «большой» беседы с шефом было добиться нелегко – его постоянная занятость тому причиной. К собственным научным докладам А.Ф. Капустинский относился очень ответственно – к их подготовке часто привлекался кто-то из сотрудников кафедры и аспирантов. Для многих он казался «небожителем». Однако в текучке работы проявлялись и его человеческие качества. Вспоминаю, как приглашённый на вечер первокурсников, проводившийся в Доме научно-технической пропаганды (известном «доме Черткова»), Анатолий Фёдорович с увлечением

танцевал со студентками. Когда у меня случилась беда (надолго вышла из строя несколько месяцев собиравшаяся установка), я, приглашённый к заведующему кафедрой, вместо «начальственного разноса» был усажен в одно из двух знаменитых «кресел Капустинского» и услышал: «В работе бывают неудачи. Во время пребывания у Льюиса, однажды по неосторожности я «загнал не туда» пары сульфида цинка, и стеклянная установка разлетелась вдребезги. Представьте моё состояние. Здесь же мы все свои. Жду от Васударной работы».

В жизни и работе не всё бывает «гладким». Случались у Анатолия Фёдоровича и неприятности. Как известно, на рубеже 1940-1950 гг. в советской науке, особенно в биологии, физике и химии, были яростные и далеко не безобидные дискуссии на предмет «идеологического соответствия» наук. В 1950г. А.Ф. Капустинский был обвинён в «неправильной» трактовке в лекционном курсе известного соотношения А.Эйнштейна $E=mc^2$. Пошли «проработки» учёного, длившиеся не один месяц. В 1956-1957 гг. муссировался вопрос о совместительстве Капустинского (в это время он работал в МХТИ и ИОНХ). Появились мнения (заметим: не в учёной среде, а у «руководящего административно-управленческого персонала» института), что в научном плане он мало

приносит пользы МХТИ, не каждый день работает на кафедре, и официально было предложено «урезать» ему вдвое зарплату. От уязвленного А.Ф. Капустинского последовало письменное обращение в администрацию, и только вмешательство директора института Н.М. Жаворонкова позволило «закрыть дело». От себя добавлю: в списке публикаций А.Ф. Капустинского около 300 наименований, в том числе 5 книг (он никогда не включал в список тезисы и рефераты докладов). Среди публикаций много работ без соавторов; вопрос: можно ли разделить эти работы на написанные Капустинским-«ионховцем» и написанные Капустинским-«менделеевцем»?

Ещё два штриха к портрету. Когда Анатолий Фёдорович приходил на экзамен, в лабораторию из кабинета «выдвигали» его кресло и на стол ставили стакан чая в подстаканнике. Принимал он 4-5 человек, был строг и скуп на оценки. Однажды мне вместе с М.С. Стахановой посчастливилось побывать у него дома на Ленинском проспекте – планировалось обсуждение моих диссертационных дел (в то время Капустинский находился на больничном). Что поразило. Одна стена в кабинете была в стеллажах, и все они, как в публичных библиотеках, заставлены реферативными журналами (РЖХ и Chemical Abstracts). Согласитесь, дорогое удовольствие для частной библиотеки. Но журналы нужны были для постоянной работы (о каком нормированном рабочем дне у настоящего учёного можно говорить!?). Видимо, Анатолий Фёдорович был рад посещению. Увлёкшись, стал что-то рассказывать, показал висевший на стене, старинный турецкий ятаган, изготовленный из какой-то необыкновенной стали... Чуть позже появилась жена – Н.П. Капустинская, и сказала,

что пришла медсестра и наступило время процедур. Консультация не состоялась, но от посещения осталось нечто большее, прежде всего, радость общения с неординарным человеком.

Перед своей кончиной в 1960г. А.Ф. Капустинский долго болел (сказались многолетняя интенсивная работа, инфаркт миокарда в 1953г. и т.п.), ушёл из жизни он в конце лета, когда в институте и на кафедре было

малоллюдно. Но проводить в последний путь знаменитого профессора пришли все, кто смог. Выделенный для могилы участок на Новодевичьем кладбище был открытым, солнечным, сейчас там буйная зелень. Она вместе с нами хранит память об одном из классиков химии, учёном-энциклопедисте Анатолии Фёдоровиче Капустинском.

Документы из личного дела А.Ф. Капустинского, архив РХТУ

126

Московский ордена Ленина химико-технологический институт им. Д.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № _____

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Капустинский, имя Анатолий отчество Фёдорович
 2. Пол мужск. 3. Год и м-ц рождения 1906 4. Место рождения (по сущ. административ. делению) г. Пестово 5. Национальность русский
 6. Соц. происхождение: а) бывш. сословие (звание) родителей _____ б) основное занятие родителей до Октябрьской революции отец бухгалтер уезд 1918г. после Октябрьской революции мать доб.хоз.уч. 1929г. Основная профессия (занятие) к моменту вступления в партию _____ стаж _____ 8. Соц. положение служащий 9. Партийность б/п 10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) _____
 11. Партаж _____ № партбилета _____ или № к/карт. _____
 12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с _____ по _____ 13. Состоял ли ранее в других партиях (каких, где, с какого и по какое время _____ 14. Состоял ли ранее в ВКП(б), с какого и по какое время нет и причины исключения или выбытия _____
 15. Участвовал ли в оппозициях (каких, когда, где нет
 16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Работ. Вшем. школы
 17. Образование Всеме

Подробное название учебного заведения (вуза, втуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц год) вступления	окончания или ухода	Окончен или нет	Если, не окончил, то с какого курса ушел	Какую (ую) специальность получил в результате окончания учебного заведения
<u>Илья Пестов. 23</u>	<u>хоно</u>	<u>авг</u>	<u>1922</u>	<u>да</u>		
<u>Хим. зав. МХТИ</u>	<u>химия</u>		<u>1929</u>	<u>да</u>		<u>теххимик</u>

18. Ученая степень (звание) доктор хим. наук, профессор. Имеет ли научные труды и изобретения да (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам опубликованы, необходимо дать в приложении). 20. Был ли за границей да

в (м-ц год) по какое время	В какой стране (город, место)	Цель поездки (пребывания)
<u>сент</u>	<u>Берkeley California У. С. Ш.</u>	<u>научная командировка в Колледж Калифорнии. Инст. в лаб. Т.Н. Ловица</u>

ПАМЯТИ ВИКТОРА ФЕДОРОВИЧА ЖИЛИНА

(24.08.1837- 17.02.2017)

Интервью Татьяны Сапроновой с официального сайта г. Дзержинский МО

Год 60-летия ФЦДТ «Союз» является юбилейным и для одного из самых давних друзей предприятия — Виктора Федоровича ЖИЛИНА, профессора, доктора химических наук, более 30 лет бывшего проректором по учебной части родного сотням дзержинцев Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева.

Похоже, 70-летнего профессора Жилина в РХТУ им. Д.И. Менделеева не просто любят — обожают.

«Он замечательный человек, вам будет интересно с ним пообщаться», — рекомендует респондента заведующая производственной практикой университета Людмила Силенко.

«А вы знаете, что Виктор Федорович почти 31 год проработал проректором по учебной части в нашем университете? Вы знаете, что он патентованный эксперт Минобразования РФ?» — не упускает возможности еще раз при свидетелях выразить свое почтение Учителю его преемник в проректорской должности Юрий Капустин, и в интонации вопроса слышится подспудное: «Вы хоть понимаете, с каким человеком говорите?!»

«Как вам наш Виктор Федорович?» — ревниво интересуются дамы-коллеги.

А профессор Жилин запросто жмет руку и хитро улыбается: ну что, дескать, дзержинская корреспондентка спросит? Как подготовилась к интервью: в теме она или нет, есть ли толковые вопросы?

Думал ли мальчишка, в порыве экспериментаторского духа чуть не спаливший однажды собственный дом, что в будущем станет любимым педагогом для десятков сотен студентов, авторитетным ученым в химии и технологии энергоемких материалов, свидетелем и участником величайших событий в истории своей страны?

— До появления компьютеров, наверное, все советские школьники грешили изготовлением «бомбочек» и «ракеток». Вы также начинали свой путь в науку?

— Да, я приготовил черный порох еще в школе и, не зная куда его деть, поджег прямо на черной лестнице, — признается Виктор Жилин. — Когда пламя лизнуло потолок, я понял, что с этим шутить нельзя и больше никогда ничего в доме не испытывал.

— Но интерес к химии, по-видимому, это происшествие не остудило?

— Скорее, наоборот. Я дважды побеждал на химических олимпиадах Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева и один раз на химфаке МГУ. Когда встал вопрос о том, куда поступать — в химико-технологический институт или в МГУ — выбрал Менделеевский. Ведь МГУ готовит кого? Учителей химии...

Пришел я в институт подавать документы. В актовом зале представлены все факультеты: органической химии, полимерный и так далее. Куда идти? Вдруг вижу: «Спецфакультет». Я подошел, спрашиваю: «И чему у вас здесь учат?» А парень, который сидел на приеме документов, отвечает: «Приходи, тогда и узнаешь». Я и подал ему заявление.

— Юношеский авантюризм, стремление к приключениям подтолкнули?

— Ну какой там авантюризм, примерно догадывался, о чем идет речь... Но первые три года все студенты учились одним потоком без разделения на специальности, а после III курса нас делили преимущественно в зависимости от успеваемости. Поскольку я учился на одни «пятерки», то смог выбрать себе то, что больше всего интересовало: химия и технология взрывчатых веществ.

По окончании института меня распределили в 502-й «почтовый

ящик» на шоссе Энтузиастов, который занимался химией и технологией отравляющих веществ. При распределении я спросил: «Работа будет по специальности?» Начальник отдела кадров ответил: «Конечно». А когда встретились уже в самом учреждении, он говорит: «Пойдешь мастером на установку по производству иприта». Я говорю: «Обещали же по специальности!» Обиделся и пошел жаловаться заведующему кафедрой профессору Андрееву. Тот позвонил заместителю министра химической промышленности, и я две недели ходил за откреплением — меня перераспределили в Менделеевский институт. За это заместитель министра получил строгий выговор по партийной линии, строго было — 1959 год...

Сначала предложили аспирантуру, но я отказался, потому что настроен был работать на производстве. А 1 сентября, несмотря на обещанный Андреевым двухнедельный отпуск, пришел в институт посмотреть, как начался учебный год. Андреев увидел меня в коридоре, остановил и говорит: «У Евгении Юлиановны Орловой микроинфаркт, она не может читать лекции, иди ты. Начиная с технологии изготовления нитроглицерина, я эту тему хорошо знаю, посижу с тобой, подскажу, если что». И я 2 сентября пошел преподавать. Поскольку первую лекцию профессор Андреев сидел сзади, после первого часа у меня пиджак был мокрый насквозь... После этого за все время больше никто никогда меня на моих лекциях не контролировал. Так началась моя преподавательская деятельность.

— А с ФЦДТ «Союз» как «подружились»?

— В моей группе было много ребят из Люберец, которые после Менделеевского пошли работать на «Союз», тогда еще НИХТИ, и так весь свой производственный стаж в Дзержинском отработали. Мы

дружили, я очень часто бывал в тех местах, и на Силикат купаться ездили. Ну и, конечно, по научной работе связи были постоянными, потому что наш факультет технологии взрывчатых веществ и порохов связан с этим предприятием очень тесно, ведь твердое ракетное топливо, по существу, делается из взрывчатых веществ. Так что связь — прочнее не бывает: совместная работа, внедрение, проверки. Сотрудники «Союза» вели преподавательскую работу на инженерном химико-технологическом факультете, постоянно действовали договоры о научном сотрудничестве, в том числе в военные годы. Так было изначально, как только началось производство порохов и твердых топлив. Плюс подготовка кадров: как только появился ЛНПО «Союз», наши студенты стали ездить туда на практику.

Вообще, совместная с ФЦДТ «Союз» подготовка кадров — это самое главное, что я хотел бы отметить. По сути, это целевая подготовка специалистов под оборонные проблемы, которая очень важна для страны. Если мы не будем этого делать, то никто этого не сделает, и мы останемся безоружными. Поэтому РХТУ всегда вел целевую подготовку кадров по заявкам «Союза», и нужно добавить, что и нынешний руководитель предприятия Юрий Милехин поддерживает эту традицию.

А в нашем университете сегодня Людмила Вильевна старается изо всех сил, чтобы подготовить будущих достойных студентов в Вечерних химических школах, организовать хорошую практику в процессе обучения.

— Вернемся к ФЦДТ «Союз». Как вам работало с бывшим руководителем «Союза», академиком Жуковым?

— Борис Петрович Жуков — это, конечно, самый выдающийся выпускник Менделеевского института, работавший на ЛНПО «Союз». Мы им гордимся, он долгое время заведовал кафедрой химии и технологии высокомолекулярных соединений после Александра Семеновича Бакаева. Жуков создал

лабораторию в университетском корпусе в Тушино по нашему направлению. Но, к сожалению, его сын не сумел продолжить дело отца, и лаборатория зачахла, ее пришлось закрыть.

А Борис Петрович был человек гениальный и как ученый, и как выдающийся организатор. Такие люди встречаются раз в эпоху! Но его гениальность не подавляла, работать с ним было очень надежно и приятно. При общении с ним чувствовалась твердость, он проявлял волю, но на человека, с которым работал, никогда не давил. Борис Петрович всегда старался доказать, что нужно сделать так, а не иначе, добивался, чтобы человек сам понял, почему нужно пойти именно по этому пути. Приказной вариант практически не использовал.

— Иной раз целые коллективы талантливых людей заставляли работать на одного «гения»...

— Это ни в коем случае не касается отношений с Жуковым, наша работа была совместным творчеством! Борис Петрович высказывал идею, и шла совместная разработка этой идеи, именно это и было приятно.

А более всего Борис Петрович гордился «Тополем», это было самое любимое его детище, в нем, в том числе, использованы разработки наших учеников, работавших на «Союзе». Встав на боевое дежурство, «Тополя» обеспечили определенный этап в развитии нашего государства. «Тополь-М» — это эпоха!

— Вы считаете, что мир поддерживается не только способностью государств обороняться, но и наступать?

— Конечно! Противник должен понимать, что если он ударит, то получит адекватный ответ.

— То есть дзержинцы не напрасно установили «Тополь» как памятник? Многие уверены, что нельзя ставить памятник оружию.

— Это памятник людям, которые вкладывали душу и сердце в эту работу и обеспечили мир. Если бы в свое время не появился «Тополь», мог бы начаться кон-

фликт. Так что к памятнику я отношусь положительно! А «зеленые» — они и есть «зеленые», что с них взять.

Мне вообще город Дзержинский нравится, очень уютный. А в районе, где расположен ФЦДТ «Союз», так много зелени, что там просто очень приятно бывать. Жаль, осмотреться некогда: прибегаешь на какое-нибудь совещание, все надо быстрее.

— Не сожалеете о юношеских порывах: о желании заниматься практической деятельностью на производстве?

— Нет, я о своей судьбе не жалею. «Единая книжка взрывника» у меня есть, могу и повзрывать, если что... Как сказал один умный человек, нет ничего практичнее хорошей теории. Хорошая теория лет на 15–20 вперед опережает практику, а без должных знаний можно таких ошибок наделать, что потом век не разберешься. Вот только что была нештатная посадка космонавтов: по их словам, будто слон на грудь присел. Что-то неправильно рассчитали...

Хотя приходится признать, что в практическом плане химическая отрасль России отстала, и именно практическую сторону нужно развивать.

— Поэтому на рынке кадров сегодня более востребованы практики-технологи, а у выпускников РХТУ нет проблем с трудоустройством, верно.

— Да, насколько мне известно, все неплохо трудоустроены.

22.11.2007

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ – ВЫПУСКНИК МЕНДЕЛЕЕВКИ*Лемешев Виталий Григорьевич*

Собираясь изложить историю профессиональной династии Лемешевых, я вдруг обнаружил, что подобно генеалогическому древу, она начала разрастаться боковыми побегами, охватывая значительную область науки и производства.

Как основатель династии начал себя. Лемешев Виталий Григорьевич, русский, 18.07.1933 г. рождения. Окончил Каширскую Среднюю школу № 1 и в 1955 году поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева на первый курс силикатного факультета. Окончив в 1960 г. МХТИ по специальности: «керамика и огнеупоры», я по предложению заведующего кафедрой профессора Д.Н. Полубояринова распределился в цех чистых окислов Подольского завода огнеупорных изделий (ПЗОИ) на должность сменного инженера.

Со всем пылом молодости, я принялся совершенствовать технологию оксидных изделий, за что нередко лишался части премии. Однако некоторые мои предложения, в частности, обжиг тиглей на подсыпке из плавленного корунда, а не в засыпке сырого глинозема, позволил избежать брака изделий по гео-

метрии и получить, практически, 100 % сортность изделий, при их идеальной геометрии.

Все же надо отметить, что моя бурная деятельность, не осталась без внимания как Д.Н. Полубояринова, так и руководства завода, благодаря чему я часто направлялся на различные научные конференции (Мозжинка, Харьков, Саратов), как представитель завода и нередко выступал на них с краткими сообщениями.

В 1965 году Дмитрий Николаевич предложил мне перейти на кафедру и заняться проблемами керамики зернистого строения. В те годы существовало устойчивое мнение, что огнеупоры невозможно производить без введения тонкомолотой связки из этого же материала, поскольку считалось, что спекание тонкомолотой связки в промежутках между крупными зёрнами позволяет связать их между собой. Однако в процессе работы, я начал убеждаться в ошибочности общепринятого мнения, что для получения качественных огнеупоров необходимо вводить не менее 45-50 % тонко молотой связки. Очень скоро я убедился, что тонкомолотая связка не только не способствует спеканию огнеупора, но и резко ухудшает его качество и тем сильнее, чем более дисперсную связку вводят в огнеупор.

Однажды, я задал профессору сакраментальный вопрос, почему зернистая керамика не рассыпается после выгорания органического пластификатора. Дмитрий Николаевич с удивлением посмотрел на меня и заявил, что он никогда об этом не задумывался и отослал меня к Р.Я. Попильскому. Рафаил Яковлевич задумался и после некоторого размышления заявил, что по его мнению, главную

роль в этом процессе играет трение. Но если это так, решил я, то возможно получение огнеупора без введения тонкомолотой связки.

Эксперимент с получением огнеупора из монофракционного крупного корунда (2,4 мм) принес ошеломляющие результаты. Керамика зернистого строения без связки вела себя как плотносспекшаяся керамика со всеми ее достоинствами и недостатками. Прочность образцов превышала 500 МПа на сжатие, более 150 МПа на изгиб, начало деформации начиналось при 1980 °С, но термическая стойкость керамики оказалась невысокой. Фотографии структуры полученной керамики привели Дмитрия Николаевича в полный восторг. На фотографиях с введением 45 % тонкомолотой связки было отчетливо видно резкое повышение пористости керамики за счет многочисленных разрывов мостиков связки и отрывов ее от поверхности зерен. В тоже время на фотографиях без связки прекрасно видно было, что спекалась по типу контактов «игла-плоскость», «игла-игла» и т.д. Это позволило мне разработать азы теории спекания керамики зернистого строения в присутствии и отсутствии тонкомолотого компонента и предложить исключительно эффективную и экономичную технологию производства огнеупоров зернистого строения из любых оксидов и их соединений повышенной и технической чистоты.

На основе этих разработок, на заводе из отходов плавленного корунда была выпущена партия огнеупоров в количестве 25 т, которые были уложены в кольцевые нагревательные колодцы Челябинского трубного завода, чьи огнеупоры из-за механиче-

Таким Виталий Григорьевич выпустился из МХТИ им. Д.И. Менделеева

ского воздействия многотонных раскаленных чушек разрушались в течение 2-3 месяцев. Контрольное исследование корундовых огнеупоров через год службы показало, что только кольцо из корунда не претерпело заметных изменений. Защита моей кандидатской диссертации прошла вполне успешно, «ЗА» проголосовали все члены Ученого Совета (19) человек.

Не могу не отметить (с горечью), что в последующих публикациях по истории кафедры, упомянуты все те, кто занимался плотноспекшейся керамикой из оксидов, но совершенно отсутствует раздел по керамике зернистого строения, как и фамилия Лемешева, работавшего как азы теории ее спекания, так и исключительно эффективную технологию огнеупоров из любых оксидов и их соединений. Более того, я с удивлением прочитал в новой редакции учебника по технологии керамики и огнеупоров все тоже замшелое мнение, что для получения огнеупоров необходимо вводить в состав тонкомолотую связку из исходного материала. Правда, в учебнике упоминается о возможности получения огнеупоров без введения связки, но и без всяких ссылок на автора этой технологии.

После защиты диссертации я 1970 г., я перешел в лабораторию фосфатных строительных материалов, созданную в этом же году д.т.н. В. Копейкиным, на должность старшего научного сотрудника, где вместе В.Черняховским изучал возможность снижения температуры спекания огнеупоров при введении в состав шихты разнообразных связующих на основе фосфатов. По результатам этих исследований были получены 2 авторских свидетельства.

В 1971 г. я возглавил межотраслевую научно-исследовательскую лабораторию строительных материалов при

ГЛАВМОСПРОМ-СТРОЙМАТЕРИАЛЫ, где изучались различные возможности использования фосфатов в разнообразных производствах строительных материалов. За период с 1971 по 1983 годы были получены 12 авторских свидетельств (одно из них внедрено) и опубликовано более 20 статей. И в 1983 г. я был переведен на должность начальника Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) объединения «МОСКЕРАМИКА», где курировал работу ЦЗЛ 5 заводов, входящих в состав объединения.

В 1987г., я, по предложению декана технологического факультета ВЗИСИ Л.М. Сулименко, подал заявку на участие в конкурсе на замещение вакантной должности доцента, выиграл этот конкурс и поступил на кафедру строительных материалов, которую возглавлял Лев Михайлович Сулименко. За время работы с 1987 по 2006 годы я совмещал преподавательскую деятельность с разнообразными исследованиями, как по технологии строительных материалов, так и по технологии фарфора и фаянса. Некоторые дипломные научно-исследовательские работы моих студентов участвовали во многих научно-практических конференциях, где выступали с докладами. Отдельные дипломные работы принимали участия в конкурсах на лучшие исследовательские работы студентов и получили 8 дипломов 2 и 3 степени на конкурсе в Белгороде, а два диплома на конкурсе в МХТИ им. Д.И. Менделеева получили дипломы 1 степени. Результаты работ некоторых студентов были опубликованы в 4 международных журналах. За время моей преподавательской деятельности было выпущено 527 дипломников, опубликовано около 150 печатных работ, более 40 методических указаний, имею 15 авторских

Вот таким молодым инженером Виталий Григорьевич пришел работать на завод

свидетельств. Являюсь одним из соавторов Строительной Энциклопедии. За участие в освоении целинных земель награжден Знаком ЦК ВЛКСМ, а за многолетний труд медалью «Ветеран труда».

Прямым продолжателем династии является мой сын, Лемешев Олег Витальевич. Родился 30 сентября 1961 г. Место рождения – город Москва. Закончил в 1978 г. Московскую среднюю школу № 120 и поступил в Московский орден Ленина и Трудового Красного Знамени Химико-Технологический институт на Краснознаменный факультет химической технологии силикатов. Окончил институт в 1983 году по кафедре «Химическая технология керамики и огнеупоров» с дипломом инженера-технолога.

С 1983 по 1993 годы после распределения работал в Специализированной Проектно-Конструкторской и Наладочной организации «РОСОПГТЕХСТРОМ» МПСМ РСФСР – АСО Минстроя. Последняя должность – заместитель генерального директора. За время работы по специальности принимал непосредственное участие в пуско-наладочных работах многочисленных керамических заводов, а также при-

нимал участие в ликвидации техногенных и природных аварий и катастроф на территории СССР:

- ноябрь 1986г. Кабардино-Балкарская АССР, Нальчинский КСМ;
- август 1986 г. ликвидация последствий аварии на ЧАЭС;
- октябрь 1988г. ликвидация последствий аварии на железнодорожной станции Свердловск – Товарный;
- декабрь 1988г. ликвидация последствий землетрясения в городе Спитак АрССР.

С 1997 по 2000 г.г. главный инженер ОАО Красноармейский КСМ.

С 2001 г. по настоящее время возглавляет организованный им Центр Подтверждения Качества «СКС» (г. Ярославль). В июне 2011 г. организовал и возглавил Центр реабилитации «Ярославия-МЕД» (ортопедия и травматология).

Награды:

- орден «Знак Почета» (1988 г.);
- ведомственная медаль «За участие в ликвидации последствий ЧС» (1991г.);
- нагрудный знак «За трудовые успехи» Минстроя МНР (1985г.);
- ведомственные памятные знаки «В память о ликвидации последствий аварии на ЧАЭС».

Автор 2 авторских свидетельств СССР и 5 научных и научно-популярных статей. Гран-При конкурса ВДНХ СССР «Молодой специалист-1985г».

Воинское звание: майор запаса. ВУС: командир взвода подразделений войск РХБЗ.

Женат: жена Лемешева Ольга Ивановна, сын Дмитрий Олегович.

Продолжателем династии является мой внук, Лемешев Дмитрий Олегович, 6 августа 1983 г. рождения, место рождения –

город Москва.

В 2000 г. закончил Гимназию № 1 г. Мытищи, Московской области и в том же году поступил в Российский Химико-Технологический Университет им. Д.И. Менделеева на факультет химической технологии силикатов по специальности 250800 – «Химическая технология силикатных и тугоплавких материалов», который закончил в 2006 г. с присвоением квалификации «инженер».

В 2006г. поступил в аспирантуру ГОУ ВПО РХТУ им. Д.И.Менделеева по специальности 05.17.11 – Технология силикатных и тугоплавких неметаллических материалов. В 2009 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В то же году присвоена ученая степень кандидата технических наук.

В 2012 году поступил в магистратуру ФГБОУ ВПО «Российский химико-технологический университет им. Д.И.Менделеева» по направлению подготовки 240100 Химическая технология на программу «Химическая технология химико-фармацевтических препаратов и косметических средств, которую закончил в 2014 г. с присвоением степени «Магистр».

В 2014 г. поступил для профессиональной переподготовки в «Московский психолого-социальный университет» по программе «Педагогика высшей школы. Преподавание дисциплин в образовательных организациях высшего образования», окончил университет в 2015 г. с присвоением квалификации «Преподаватель» с правом ведения профессиональной деятельности в сфере «Педагогика высшей сферы».

В настоящее время работает в ФГБОУ ВПО «Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделее-

ва» с 2009 года. С 2012 года по настоящее время занимает должность доцента по кафедре «Химическая технология керамики и огнеупоров». С 2010 г. является заместителем ответственного себретаря приемной комиссии.

Награжден двумя золотыми медалями ВВЦ «За успехи в научно-техническом творчестве» в 2011 и 2012 годах.

Имеет более 70 научных работ, 1 патент и 3 учебно-методических разработки.

Женат, имеет двоих детей.

Боковые ветви династии:

моя жена – Лемешева Изабелла Яковлевна, родилась 20 ноября 1938 г., в городе Москве. В 1955г. окончила Московскую среднюю школу № 129 и поступила в МХТИ им. Д.И. Менделеева на топливный факультет, но затем перевелась на отделение лаков и красок органического факультета. Окончила институт в 1960 г. и по распределению проработала 46 лет в организации, которая претерпела ряд изменений. Первоначальное название организации – ВПК «Лакокраскокрытие» – единственная в то время хозрасчетная, самоокупаемая организация, специалисты которой оказывали помощь по применению лакокрасочных материалов в различных отраслях народного хозяйства на территории СССР. В этой организации последовательно поднималась по служебной лестнице: инженер, старший инженер, начальник сектора, заведующий отделом по внедрению материалов, в том числе, новых прогрессивных разработок Научно-исследовательского института лакокрасочной промышленности. (ГИПИ ЛКП). В 1960-1964 годах впервые в нашей стране принимала участие во внедрении полиэфирных лаков и красок и технологии их применения для нанесения и сушки в мебель-

ной, часовой и радиопромышленности (футляры часов, телевизоры, радиоприемников).

В дальнейшем была назначена руководителем разработок руководящих Отраслевых Стандартов по технологии по окраски новыми лакокрасочными материалами для различных отраслей промышленности: электротехнической, медицинского оборудования, атомного оборудования, подъемно-транспортного оборудования, вагоностроения, мостостроения, музыкальных инструментов, сельскохозяйственного оборудования.

Была участником, а затем руководителем впервые разработанных в нашей стране Нормативов расхода лакокрасочных материалов. В ВПК «Лакокраспокрытие» была председателем Менделеевского общества. На протяжении всей деятельности пропагандировала работы по внедрению новых разработок ЛКМ и технологии их применения благодаря участию в отраслевых конференциях, выставках, путем публикации статей в журнале «Лакокрасочные материалы и их применение», а также докладам в Доме технической пропаганды. Кроме того, в качестве главного специалиста давала систематические консультации для заинтересованных специалистов. После произошедших в стране изменений и изменения названия организации, вошедшей в состав «ГИПИ ЛКП» была назначена руководителем Лаборатории по внедрению новых разработок ЛКМ, а затем, после сокращения лаборатории 1992г., возглавила Лабораторию маркетинговых исследований. Обеспечивала внедрение прогрессивных разработок организации ЛКМ со специфическими свойствами, как на объектах г. Москвы, так и на промышленных объектах страны. Основными объектами были: городское строитель-

ство, восстановление памятников старины, мостостроение.

За внедрение новых разработок и авторский надзор за их применение по разработанной технологии при восстановлении Собора Казанской Божьей Матери, Иверской Часовни, Воскресенских Ворот, церкви «На Кулишках», электростанции «Терра», ремонтной окраски домов Старого Арбата, награждена государственной наградой, награждена также медалью, за высокий профессионализм в течение многолетнего труда, награждена медалью «Ветеран Труда». С 2006г. на пенсии.

Моя сестра – Лемешева Диана Григорьевна, родилась 5 ноября 1939 года. Закончила Каширскую среднюю школу № 2 в 1957г. и в 1959г. поступила в МХТИ им. Д.И. Менделеева на силикатный факультет, который к тому времени заканчивали я. С 4 курса приказом по министерству, она была переведена на физико-химический факультет,

который закончила в декабре 1964 года. По распределению была направлена в Институт Новых химических проблем (ИНХМ АН СССР) в лабораторию окислителей и гидридов с начала в Черноголовке, а с 1973г. в ИОНХ в лаборатории перекисных соединений (ЛПС). В 1972 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени «кандидат химических наук». Необходимо отметить, что она работала с исключительно опасными соединениями, такими как хлорная кислота, перхлораты и их производные. Так же нельзя не отметить, что в процессе исследований ею был получен новый класс соединений – перхлораты первой группы, в частности, перхлораты люминатов калия, рубидия и цезия и изучены их физико-химические свойства. Большинство работ выполнялись по распоряжению Президиума АН СССР под грифом (Совершенно секретно): твердое ракетное топливо, твердые источники кислорода (ТИКИ)

На фото две династии керамиков: Лемешевых и Макаровых на 75-летнем юбилее факультета ХТС (слева направо: Лемешев Дмитрий Олегович, Лемешев Виталий Григорьевич, Макаров Николай Александрович, Макаров Александр Николаевич, Лемешев Олег Витальевич). Две династии встретились на родной кафедре химической технологии керамики и огнеупоров.

– для обеспечения кислородом людей, работающих в замкнутом пространстве: шахтах, отсеках подводных лодок и космических кораблях. На основе ее разработок был получен пероксид кальция с чистотой 75-83 %, внедренный на опытном производстве ТамбовНИХИ, что позволило использовать его в различных отраслях народного хозяйства. В частности, для успешной дегазации военных полигонов. Разработанный ею простой способ получения $\text{Ca}(\text{O}_2)_2$ высокой степени чистоты (93-97 %), позволил ей совместно с сотрудниками ИОНХ РАН, ИПХФ РАН и МГУ им. Ломоносова доказать справедливость представлений о существовании особой, квазидиабазитской химии и материалов. Старший Научный Сотрудник Лемешева Д. Г. является автором 70 научных публикаций, 4 докладов на международных конференциях и 2 патентов на изобретение, соавтором монографии «Пироксидные соединения кальция». За успешную плодотворную работу неоднократно (10 раз) награждалась Почетными Грамотами, а за ценный вклад в развитие современной науки Почетной Грамотой Министерства, дирекции и Ученого Совета ИОНХ им. Н.С. Курнакова РАН. Награждена медалью «Ветеран Труда». В 2005 г. ушла на пенсию.

Жена сына, Лемешева Ольга Ивановна, родилась 17 октября 1960 года в г. Москве. В 1978 году окончила московскую среднюю школу и в том же году поступила в Московский орден Ленина и Трудового Красного Знамени институт им. Д.И.Менделеева на вечерний факультет. В течение 13 лет (во время учебы и после окончания института) работала на кафедре технологии электрохимических производств. В 90-е годы, после развала СССР и экономики страны, закончила школу глав-

ных бухгалтеров и аудиторов, и получив диплом бухгалтера-аудитора, работала по второй специальности главным бухгалтером ряда организаций.

С 2005 года работает в Федеральном Государственном автономном образовательном учреждении дополнительного профессионального образования «Академия стандартизации, метрологии и сертификации» старшим преподавателем кафедры «Оценки соответствия». В 2013 году окончила и получила диплом о профессиональной переподготовке в ФГАОУ ДПО, «Академия стандартизации, метрологии и сертификации (учебная)» на ведение профессиональной деятельности в сфере сертификации продукции и услуг. Ведет работу по организации и проведению образовательного процесса, а также принимала участие в разработке программ обучения, написании методических материалов и другой учебной документации по образовательному процессу решения текущих вопросов слушателей. Благодаря ее усилиям, налажена практическая помощь кафедрам и филиалам Академии в вопросах организации и методического обеспечения учебного процесса. Неоднократно и активно участвует в работе практических конференциях и семинарах Академии, ФС по техническому регулированию и метрологии «Росстандарт», ФС по аккредитации «Росаккредитация», Российского Союза промышленников и предпринимателей.

Является ведущим экспертом по продукции и Руководителем органа по сертификации. Является соавтором издания «Технические регламенты Таможенного Союза», «Декларации о соответствии», «Подтверждение соответствия в Российской Федерации и Таможенном союзе». Имеет 3 научных работы, 2 авторских свидетельства и 11

учебно-методических разработок. Награждена Почетной Грамотой Федерального Агентства по техническому регулированию и метрологии за большой личный вклад по совершенствованию работы Академии по обучению специалистов и за внедрение в учебную работу современных технологий.

Жена внука, Лемешева Юлия Кареновна, родилась 29 сентября 1983 г. Закончила в 2000 году Новохаритоновскую среднюю школу и в том же году поступила в Российский химико-технологический университет им. Д.И.Менделеева на факультет химической технологии силикатов, который закончила в 2006 году по Кафедре химической технологии керамики и огнеупоров с присвоением квалификации «Инженер».

В связи с рождением дочки не смогла работать по специальности, а после рождения сына целиком посвятила себя воспитанию детей. После того, как дочка поступила в 1 класс, Юлия Кареновна закончила магистратуру в Московском Педагогическом Государственном Университете и получила диплом преподавателя начальных классов. В настоящее время занята подготовкой групп дошкольников к поступлению в школу.

Заканчивая обзор истории профессиональной деятельности фамилии Лемешевых, не могу не отметить, что мы все благодарны своей «альма-матер» – Московскому орденов Ленина и Трудового Красного Знамени институту им. Д.И. Менделеева, выпускниками которого мы все являемся.

Смею надеяться, что вся наша деятельность не была бесполезной по отношению к нашей Родине и ничем не опорочила высокое звание ВЫПУСКНИК МХТИ им. Д.И.Менделеева.

МОЙ КОКАНД

Б.С. Шейнин, «Дружба народов» №1/2015

Шейнин Борис Соломонович — известный российский кинодокументалист, ученик А.П. Довженко, автор множества документальных фильмов, снявшихся на разных киностудиях страны. Его воспоминания о военном детстве, проведенном в Узбекистане, опубликованные в журнале «Дружба народов» (2015, №1), содержат интересную для менделеевцев информацию о Коканде, где МХТИ им. Д.И. Менделеева работал в эвакуации в 1941-1943 гг.

Честно сказать, не заметил, как она нахлынула — старость. Впрочем, в том нет ничего удивительного, если раскрыть паспорт или поступить еще проще — поглядеть в зеркало. Все правильно. Все закономерно. Но почему-то кажется неожиданным и неправдоподобным. Почему? Вдруг из всего того, что было перелистано и перелопачено в моей судьбе за восемьдесят с лишком лет, отчетливо мне увиделся школьный класс в благословенном узбекском городе Коканде, куда меня забросила военная година. Я — мальчишка, эвакуированный из Белоруссии. На языке моих новых одноклассников — «выковырянный». Злобы и неприязни в том, как произносится это прозвище, вроде, не чувствуется. Но все же задевает. Понять их можно. В город, где все давно определено и налажено, вдруг ворвалось множество людей, которые совсем недавно покинули свои обжитые места и не очень понимают, куда их завезли, и еще больше не понимают, как долго продлится война и как долго не увидят они своих городов и своих домов. Эти люди не были похожи на тех, кого привыкли видеть кокандские дети. Разумеется, и в глазах приезжих расчерченный арыками Коканд со старинной мозаикой эмирско-

го дворца в городском парке выглядел картинкой из волшебной восточной сказки.

Мы прожили в Коканде с лета сорок первого до весны сорок третьего, когда уже война стала продвигаться на запад и поезда постепенно начали возвращать людей в далекую Россию. Но тогда, в сорок первом, из Белоруссии, из Украины и Москвы увозили на восток не только отдельных людей, но и целые предприятия и учреждения. Так в Коканде оказался Московский химико-технологический институт имени Менделеева, в который поступила моя сестра, закончившая десятилетку перед самой войной. А еще появился в городе нефтяной техникум, эвакуированный из кавказского города Грозного.

Закончив в кокандской школе седьмой класс, я, не задумываясь, забрал свои документы и подал их в нефтяной техникум. Школьные учителя пытались меня от этого шага отговорить. Почему-то в их глазах я считался перспективным учеником. Но мне претила сама по себе школярская обстановка. Мне не терпелось стать взрослым, овладеть настоящей профессией. Когда директор школы сказала мне, что документы отдадут, только если придет за ними моя мама, я твердо заявил, что я уже взрослый и сам решаю, где мне учиться. Очевидно, мое категоричное заявление произвело впечатление. Документы, кстати, с хорошей характеристикой, я получил и в тот же день отнес в приемную комиссию техникума. И там я, действительно, почувствовал себя взрослым. В техникуме мы были не учениками, а студентами. Нам платили стипендию. И — что совсем уже сделало меня взрослым и самостоятельным — я получил койку в общежитии. С

тех пор я никогда больше не жил в родительском доме.

О техникумовском быте и моем новом друге, вечно голодном Пинхасике, вывезенном из блокадного Ленинграда, стоит рассказать особо. Пинхасик — это, очевидно, фамилия. Но иначе никто его не называл. Озабоченный только добычей еды, Пинхасик, в добавление к затирке, которая была единственным блюдом в техникумовской столовой, пристрастил нас, своих соседей по комнате, к изумительно вкусному субпродукту — требухе. На рынке, в конце дня, продавцы иногда отдавали нам ее бесплатно. Во дворе нашего общежития мы разводили из собранных веток небольшой костер и над ним в закоптелой кастрюльке варили чудесное блюдо, открытое многоопытным Пинхасиком. Он был намного взрослее нас. Но что означает быть сытым, Пинхасик не знал. Очевидно, естественные для любого организма рецепторы у него, пережившего ленинградскую блокаду, были начисто атрофированы. Общепитовская затирка и отваренная во дворе требуха вызывали у него одинаковый восторг: «Красота! Красота!» — так восхищенно, словно впервые отведал, оценивал он только что проглоченное блюдо. Он был начитан и, на зависть нам, интересно рассуждал о проблемах науки. Скорей всего, он был из профессорской семьи. С преподавателями, оправдывая свое незнание урока, изъяснялся вежливо и даже красиво. Но самые яркие его впечатления, которыми он доверительно делился, конечно, были связаны с едой. Его, блокадника, жалели. И даже пропуски занятий ему прощали. Однажды, охотясь за любимым и доступным субпродуктом, на рынке он

познакомился со старым узбеком. Уртак — товарищ — проникся симпатией к блокаднику и пригласил его на работу в колхозной конюшне. Там зимой будет тепло, а узбекский плов ему гарантирован. Есть Пинхасик хотел постоянно, и предложение старого узбека показалось ему чрезвычайно соблазнительным. И в тот же день он трогательно попрощался с преподавателями, с нами, своими сокурсниками, и вместе с новым другом, восседая на высокой арбе, ведомой резвой лошадкой, уехал в новую, надеюсь, сытую жизнь.

И вот первого сентября 1941 года я вхожу в седьмой класс кокандской русской школы. Где-то в старом городе находилась другая, узбекская школа. Туда мимо нас с портфелями ходили на занятия красивые девушки-узбечки в шелковых полосатых платьях. А вот как были одеты мальчишки-узбеки, почему-то припомнить не могу. Наверно, одежда их не отличалась от нашей. За два года проживания в Коканде познакомиться или тем более подружиться с узбекскими ребятами или девушками мне не пришлось. Каких-либо контактов учеников нашей русской школы с учениками и ученицами узбекской школы не припомню. По той причине, что их не было. Да и в классах нашей русской школы узбекских девочек и мальчиков я не встречал. Тогда, в сорок первом году, такая «сегрегация», наверно, сохранившаяся еще с дореволюционных времен, была настолько обычной, что даже у нас, приехавших издалека, удивления не вызывала. Вероятно, еще и потому, что сам город делился на «новый», где поселили нас, и другой — «старый», где обитали узбеки в полосатых халатах и узбечки, прятая лица за сетками сплетенной из конского волоса паранджи. В узких завитках кишлачных улочек за глухими глинобитными стенами размещались «кибитки» — домашние и

хозяйственные постройки «аборигенов». По издавна заведенному порядку параллельно росли и воспитывались и дети так называемого коренного населения, державшегося исламской религии, и потомки христиан — бывших завоевателей, а затем и освободителей, установивших здесь советскую власть, которая уравнила в правах всех обитателей этой земли.

Откуда-то с Украины эшелон привез разобранным огромный сахарный завод. За его монтаж на новом месте сразу взялись приехавшие с заводом специалисты и искавшие работу приезжие из других мест. Наверно, в Коканде это была первая столь масштабная стройка за все годы советской власти. Энергию для стройки и производства сахара вырабатывали два паровозика, пригнанные со станции по специально проложенным рельсам и намертво закрепленные на них.

Претерпела изменение и культурная жизнь города. В Коканде надолго задержались Ростовский музыкальный театр и столичный театр имени Ленинского комсомола. Время от времени наезжали «дикие» театральные группы. Успех у них был колоссальный. Студенты «Менделеевки» — те, кто приехал с институтом из Москвы, и те, кого набрали уже здесь, представляли интеллектуальное лицо города. Именно они первыми заговорили об изданной в Ташкенте книге Николая Никитина «Это началось в Коканде». Автор опубликовал свой роман еще до войны. Но он пришелся удивительно кстати не только для нас, желавших больше узнать об истории края, в котором оказались. Книгой зачитывались и в нашем классе, и в других классах нашей школы. В ней рассказывалось о событиях гражданской войны, о борьбе с басмачами и об англичанах, которые поддерживали их. Полюбившимся школьникам героем романа был Умар — сын

бедняка, отважный узбекский мальчишка, разведчик Красной армии. Однажды он попал в руки басмачей. Его пытали, истязали, но он не выдал военных секретов. Почему мои одноклассники так горячо полюбили книгу Никитина? Никакого секрета в том не было. Все знали: прообразом героя книги был наш добродушный и улыбчивый учитель узбекского языка Умар Умарович.

В Коканде у меня был наладившийся ритуал раз в неделю посещать городскую баню. Она была похожа на могилевскую, в которую я до войны ходил с отцом. Растворив дверь в парилку, попадаешь в густое облако пара, в котором поначалу едва просматриваются силуэты людей. Лишь через несколько минут, когда глаза привыкают, можно разглядеть любителей париться, забравшихся на разные этажи банных полок. Как-то, привычно войдя в парилку и через некоторое время оглядевшись, я буквально столкнулся с Умаром Умаровичем, который тоже, оказывается, был поклонником парилки. Он узнал меня, и лицо его просияло великодушной улыбкой. А я растерялся. Предстать голышом перед преподавателем? К такому я не был готов. Старый учитель уловил мое смущение. Он отвернулся и направился к полке. И вот тогда я увидел его спину. Она была разрисована страшными розоватыми рубцами. Они остались несмываемой памятью об английских нагайках, которыми, пытая, басмачи поносили мальчика.

Конечно, наш Умар Умарович был всеобщим любимцем. Надо ли говорить, что узбекский язык, которому он учил нас, совсем не представлялся мне трудным? Я постигал его с большим старанием и к тому времени, когда покидал Коканд, уже довольно сносно изъяснялся по-узбекски.

Обособленно от других эвакуированных в Коканде держались приехавшие с воспитателями взрослеющие дети бойцов респу-

бликанской Испании. В свое время, спасая от гражданской войны, их вывезли в Советский Союз.

С наступлением первой военной зимы в городе стремительно прибавлялось искателей тепла и еды. В магазинах за продуктами выстраивались очереди. Короткая — мужская и длинная — женская. Даже мальчишки-дошколята, зайдя в магазин, не размышляя, направлялись в свою, мужскую очередь. Удивительно, но у женщин, и местных и приезжих, такая сегрегация не вызывала протеста.

Были среди моих одноклассников и дети тех, кого еще до войны советская власть сочла нужным отправить сюда на поселение. В могилевской школе у нас был классный руководитель. В Коканде я впервые услышал незнакомое слово, которое обозначало ту же школьную должность — куратор. Куратором класса, в который я поступил, была преподавательница немецкого языка Герта Густавна. Уже целый год до моей встречи с новыми одноклассниками они добросовестно изучали немецкий язык. Оказывается, Герта Густавна была куратором этой группы с первого класса. На ее глазах росли все эти ученики. Более того, знала она многих из них еще с дошкольного возраста. Ведь почти все семьи жили на одной улице и, конечно же, общались как соседи. У самой Герты Густавны детей не было и к своим воспитанникам она относилась с материнской нежностью. Знала всех учеников, знала их домашние проблемы. В их семьях она была объектом преклонения и критерием справедливости. На занятия Герта Густавна одевалась так, словно шла на праздник. Непременной принадлежностью нарядного туалета был подобранный к строгому костюму яркий бант. Безусловно, хороший педагог, она сумела привить ученикам уважение и интерес к своему предмету. Я же, узнав, что в Коканде придется изучать

немецкий, категорично заявил куратору, что фашистский язык знать не желаю. К моему удивлению, Герту Густавну мое заявление не смутило. Она спокойно разъяснила мне, что на немецком языке разговаривают не только фашисты, но и немецкие коммунисты. К тому же на этом языке создавали бессмертные произведения великие поэты.

Я не сразу оценил, что наш дружный класс в кокандской школе был интернациональным. Кроме русских девчат и ребят, у нас учились местные поляки, армяне, бухарские евреи и вот, наконец, появились европейские, то есть ашкеназийские евреи — я, москвич Саша, Берта, девушка Катя из неведомого нам города Бердянска и еще один очень умный мальчик Артур из Польши. Среди нас Артур был самым осведомленным в политике. Он видел немцев. Тех немцев, которые на границе позволили ему вместе с родителями уйти из оккупированной Польши в Советский Союз. Веселые добродушные парни, они отмахивались от «юде», показывая, будто отгоняют запах чеснока, который, по их представлениям, должен был исходить от евреев, чрезмерно употребляющих этот продукт.

Когда произошла моя встреча с новым классом, уже стало ясно, что Могилев занят немцами и

скоро нам туда не вернуться...

Кокандские одноклассники были рады после летних каникул снова встретиться со своим куратором, а та с восхищением осматривала своих воспитанников, явно повзрослевших за минувшее лето. Герта Густавна как-то трогательно, по-матерински обнимала учениц, уверяя, что они очень изменились за прошедшее лето. Ну, а мы, новички, представляли для нее другой интерес.

Где-то в октябре в нашем переполненном классе появилась Соня — еще одна увезенная от войны девочка. Соня являла собой полную противоположность долговязой и самонадеянной Берте. Но различались девушки не только ростом. С тонкими губами Берты контрастировали выделявшиеся на тронутом загаром лице по-детски пухлые Сонины губы. Ее голову, словно косынкой, покрывали жесткие волосы, курчавые, как у каракулевого барашка. Представляясь, Соня гордо называла себя: «одэсситка». Словно облизывая сладкую конфету, она восторженно рассказывала нам, какой неповторимо красивой до войны была ее родная Одесса, которую одесситы нежно называют «мамой». Из осажденного врагом города, из одесского порта тысячи людей покидали родной берег морским маршрутом, кото-

«Коканд. Улочка. 1944»
Меер Аксельрод

рый теперь называют круизным. Только любоваться воспетыми Айвазовским переменчивыми красками Черного моря им не довелось. На уходившие от причала суда с хищным воем с небес бросались немецкие самолеты. От бомб и пуль закипала вода. На глазах нашей новой одноклассницы скрывались под волнами охваченные дымом и пламенем корабли с беженцами. На поверхности бултыхались, словно мустанги, задавленные злобной целью сбросить с себя седоков, перегруженные людьми спасательные шлюпки. На судне, которое на долгие дни стало Сонинным домом, тоже были убитые и раненые. Только вблизи кавказского берега в небе появились красноезвездные «ястребки» и отогнали стервятников от судна.

Коканд, находящийся, мягко говоря, вдали от моря, Сою, повидавшую ад, вовсе не привлекал. Помню ее характерный одесский говорок. Наверно, запомнился мне он еще и потому, что похожим говорком выделялись Катя — девушка из портового города Бердянска, и еще парнишка, уже к зиме объявившийся в нашем классе. Звали его Иван Деркач. Ваня был нашим сверстником, но казался взрослее. Может быть потому, что умел делать то, чего никто из нас не умел. Он был из города с незнакомым мне тогда именем Керчь. В его рассказах этот город, как Одесса у Сони и Бердянск у Кати, тоже был самым красивым в мире. Благополучный город Коканд представлялся ему тоскливой провинцией. Да и учиться ему вовсе не хотелось. Какие могут быть занятия, когда идет война и в родной Керчи, из которой его зачем-то вывезла мать, уже хозяйничают немцы? Ваня Деркач удивлял нас тем, что мастерски подделывал в дневнике оценки и подписи учителей. Еще он умел обычные ластик и деревяшки изящным перочинным ножиком превращать в различные забавные печатки и

штампы. С этим ножиком он никогда не расставался. Иван, несомненно, обладал оригинальным талантом художника, и за это мы его уважали. Но заботила его не наша оценка его художеств. Интересовали его только ежедневные сводки Совинформбюро, в которых иногда мелькали сообщения о смелых и дерзких действиях крымских партизан. Партизанами он бредил. Только о них говорил. Больше всего боялся, что война скоро закончится и он не успеет помочь партизанам. Мы знали: он ходил в военкомат и просил направить его в партизанский отряд. Он станет радистом. Его умение копировать подписи и печати в отряде, несомненно, пригодится. Но в военкомате упрямо повторяли, что в партизанах есть кому воевать, а он еще не вышел возрастом. После каждого визита в военкомат парень все больше мрачнел. Учителя, столкнувшись с его полным безразличием к учебе, не однажды грозилась оставить его на второй год. Но это его мало трогало. В Коканде он знал лишь один адрес — военкомат.

И однажды мы его не увидели в школе. Перед этим кому-то он по секрету сказал, что наконец своего добился. Только это — военная тайна, о которой никто не должен знать. Но и без рассказа мы поняли: Ваня возвращается в родной Крым к партизанам. Теперь мы, его одноклассники, выискивали в сводках Совинформбюро сообщения о действиях крымских партизан. Воображение рисовало нам катакомбы, где под закоптелыми сводами скрываются вернувшиеся с боевых операций партизаны. С ними — наш школьный друг. Освещенный трепещущим пламенем фитиля, опущенного в снарядную гильзу, он старательно готовит для разведчиков фальшивые немецкие документы. Так ли было на самом деле? Попал ли Ваня Деркач к партизанам? Отличился ли в сражениях с фашистами? Наконец, дожил ли до Побе-

ды? Этого я не знаю. Но знаю, наш кокандский одноклассник был настоящим человеком. Без него класс будто осиротел.

С Большой Бертой я продолжал сидеть за одной партой. Чуть ли не вдвое выше меня, во всяком случае, на год или два старше, она относилась ко мне покровительственно. Но почему великовозрастная девица, почти что невеста, оказалась ученицей нашего седьмого класса? А потому, что от советской школьной программы она успела отстать, пребывая с родителями на лесоразработках. Надо сказать, моей соседкой по парте она была недолго. Однажды Берта сообщила куратору, что больше ходить в школу не будет, потому что в ее жизни грядут перемены. Герта Густавна выслушала это с явным облегчением и совершенно искренно пожелала Берте счастья.

А еще был в нашем классе Саша, эвакуированный из Москвы. Разбитной, смысленый в жизненных ситуациях парень. Его мать почему-то ставила ему в пример меня, скромного моголевского мальчика. А скромность моя тогда происходила от того, что я быстро рос и брюки, в которых я покидал родной город, стремительно становились короткими. Сменить их было не на что, и, чтобы не казаться смешным, я опускал пояс все ниже и ниже. Это обстоятельство делало меня стеснительным. И, возможно, в чьих-то глазах — скромным. Мой же столичный друг Саша щеголял в модных тогда «клевых» брюках.

Как перелетные птицы в теплые края, вслед за нами слетались в Коканд различные актеры и целые театральные коллективы. Они выступали в городском саду на сцене Зеленого театра и в единственном в Коканде приличном зале нефтяного техникума, того самого, в который я поступил после седьмого класса. Колоссальным успехом у нас пользовался оказавшийся в эвакуации

Ростовский театр комедии. Звездой его был актер с красивой заграничной фамилией Леондор. Интересно, спустя много лет, когда я уже был студентом ВГИКа, к нам на экономический факультет поступил парень с этой застрявшей в моей памяти солнечной фамилией Леондор. Конечно, мы познакомились. Он оказался сыном того самого комедийного актера, который своей игрой на сцене украшал нашу эвакуационную жизнь. Мой друг Саша высоко ценил талант Леондора. И еще он восхищался певицей Лилией Гриценко, которая выступала с исполнением романсов и песен. «Голос хороший, — утверждал он. — Лицо красивое, фигура — прекрасная. Но вот ноги... Ноги толстоваты». Я слушал и удивлялся его взрослости. Во мне тогда еще не проснулось то, что вызывает замирание сердца от взгляда на красивые женские ноги или фигуру. Слава Богу, потом это пришло, и я перестал ощущать свою ущербность.

То ли отец, то ли любимый Сашин дядя был парикмахером. Но не обычным, который обслуживает клиентов в парикмахерской, а допущенным до бритвы и стрижки государственных лиц. Он являлся персональным мастером то ли наркома иностранных дел, то ли его заместителя. От осведомленного во многих областях Саши я с удивлением узнал, что наши руководители за границу выезжают со своими поварами, докторами и парикмахерами. Для моего провинциального разума это было ново и необычно. Ну, а привозил допущенный парикмахер из дальних поездок гламурные, как сегодня говорят, журналы с изображением красивых див. И в них мой друг очень тонко разбирался, опять же вызывая во мне не зависть, а уважение.

Но вернусь к классу. Не успел я погрузиться в тонкости грамматики «фашистского» языка, которым пыталась напиговать мои мозги милая Герта Густавна,

как уроки немецкого стали торкозиться. Объяснение стандартное: учительница заболела. Наверно, не найти нигде в стране, да и в других странах тоже, такой школы, где отмена урока из-за болезни учителя не вызывала бы взрыва необузданной радости. Так уж устроена детская психика. Но вот куратор пропустила еще несколько своих уроков. Осведомленные одноклассники шептались о том, что видели Герту Густавну и что она вовсе не болеет. От родителей они слышали, что есть какой-то приказ выселить из города всех немцев. Зачем? Почему? Шла война и этих вопросов никто не смел задавать. Так решено. Значит, так надо. В списки тех, кого должны куда-то вывозить из узбекского города Коканда, попала и Герта Густавна. Наша учительница, которая всю жизнь прожила здесь, которая выучила и воспитала несколько поколений учеников русской школы номер два. Ее знали и уважали родители учеников и, что не менее важно, сами ученики.

Я помню, как печальная Герта Густавна прощалась с нашим классом. Она держалась достойно. Да, придется уезжать из родного дома. Но она уверена, что это ненадолго, что это недоразумение и она не раз еще встретится со своими питомцами. А назавтра, в назначенное время, где-то на запасных путях железнодорожной станции, как в июне сорок первого у нас в Могилеве, стоял эшелон, готовый к отправке. Провожать в неизвестность Герту Густавну отправился весь класс. Многие пришли с родителями. Они несли посудины, пакеты с какими-то яствами, фрукты из своих садов — все, чем могли поддержать милую Герту Густавну, напоминая о признании тех, для кого она осталась близким человеком. Так было. Не знаю, куда завезли ее и вернулась ли из своей «эвакуации» Герта Густавна. Из Коканда я уехал в сорок третьем, когда еще шла война, и

тогда со словом «реабилитация» в нашей стране еще не были знакомы. Если она дожила до реабилитации, то могла вернуться в Коканд, а могла и получить право на выезд на свою историческую родину, где все говорят на языке, которому она столько лет учила мальчиков и девочек в узбекском городе Коканде.

Многое повидав уже после войны, вспоминая о былом, я не однажды возвращался памятью к проходам Герты Густавны. Сердечный порыв ее воспитанников, в военное время отправившихся провожать свою учительницу, высылаемую из города за то, что она генетически принадлежала к тому племени, с которым шла жестокая война, в глазах тогдашней власти был очевидной демонстрацией. И вот эта демонстрация наполняет мое сердце гордостью за моих одноклассников, которые, безусловно, знали Герту Густавну лучше, чем те, кто бездумно осуществил ту дикую акцию. И, конечно, гордость за милую Герту Густавну, которая, послушно покинув родной город, оставила по себе светлую и добрую память...

После уроков собирали металлолом. Воюющей стране для оборонных заводов нужен был металл. Мы ходили по улицам старого города, стучали в калитки глинобитных заборов, за которыми располагались дома. Трофеи наши были значительны. Люди охотно отдавали нам старые рукомытники, медные тазы, в которых когда-то варили варенье, проржавевшие спинки металлических кроватей, давно отслужившие свой век мясорубки, овощные терки, разъеденные ржавчиной грабли. Запомнилась мне одна женщина. Она догнала меня и протянула небольшой металлический прутик: «Может, хоть одну пулю отольют», — с надеждой сказала она.

В сентябре вместо занятий старшие классы нашей школы отправили в кишлак. К каникулам

прибавлялся еще целый месяц для того, чтобы мы в колхозе заменили тех, кто ушел воевать. Действительно, молодых людей в кишлаке мы не встречали. Старух — тоже. Они оставались в своих дворах, укрытых глинобитными стенами. В уличной пыли бегали за нами детишки. Мальчики, которым до какого-то возраста по исламским традициям оставляли на голове косичку. Хозяйство, расположенное недалеко от «Каракум-реки» — Большого Ферганского канала имени товарища Сталина, занималось выращиванием хлопчатника. Хлопчатник был монокультурой. Она отбирала все поля и все силы у женщин, которые поздней осенью отправлялись собирать распушившиеся ватные бутоны. Возможно, что-то еще выращивали в том благодатном климате на орошаемых каналах полей. Но главным был хлопчатник. Именно с ним здесь связывали все планы и надежды на благоденствие. Но где-то далеко на западе огромной страны гремела война, и какой-то участок поля благоразумно отвели под яровую злаковую культуру — ячмень. Как высевали его, естественно, я не видел. Догадываюсь, что сеялок в колхозе не было. Да и другой техники тоже. Первое впечатление от здешнего сельского хозяйства вернуло меня к страницам учебника древней истории. Там была изображена соха. Ее, настоящую соху, я с удивлением увидел на колхозном поле. Тянул соху вол. Подгонял его, оставляя сзади узкую полосу перевернутой земли, седобородый босоногий старик, словно сошедший с обнаруженной в раскопках фрески.

Нам дали участок поля, где поспел ячмень. Поле золотилось, и с коренастых стеблей свисали упругие колосья. Нам предстояло убрать урожай. Но как? У земледельцев, прежде не знавших этой культуры, ни серпов, ни кос не было. Может, и были, но нам такую сложную сельхозтехнику

доверить побоялись. Бригадир — низкорослый старичок, почти что лилипут. Зная по-русски не больше трех слов, он, словно мим, показывал нам, как следует убирать обильный урожай. Оказалось — совсем просто. Надо выдергивать из земли один за другим стебли с колосьями и связывать их в снопики. Веселое занятие для двадцатого века! Но к концу дня, как ни странно, жатва у нас состоялась. Руки горели. Но мы были довольны своей работой. Любовались кучками снопиков на оголенном нами участке поля.

И вот, когда мы уже собрались отправиться на отдых, на поле появился бригадир, которому мы с гордостью продемонстрировали результаты нашего самоотверженного труда. Старый коротконогий узбек в черной тюбетейке, скрывавшей лысину, напоминал отправившуюся в поле утку. За ним тащился выводок его внуков — мал мала меньше. Оценив проделанное, бригадир похвалил нас: «Яхши. — Узбекский язык мы уже понимали. Яхши — это хорошо». Мы гордились: старый бригадир похвалил нас! Детишки, следовавшие за ним, по-русски не понимали, но, оказалось, прекрасно знали, что надо делать. У всех в руках были ножницы, которыми они со снопов начали отрезать колоски, наполненные янтарными зернами уродившегося ячменя. Сразу мы даже не поняли, что происходит. А когда до нас дошел циничный смысл того что мы видели, мы стали кричать. Кажется, тогда еще не было в стране закона, по которому ссылали в ГУЛАГ мальчишек за поднятые с земли колоски. Но мы понимали, что нашествие детишек с ножницами перечеркивает весь результат нашего самоотверженного труда, направленного на поддержку воюющей Родины. Что-то кричали бригадиру. Старик ничего нам не ответил, но что-то сказал своим питомцам. Они аккуратно уложили

отрезанные колоски в заготовленный мешочек и послушно засемили за ним, покидавшим поле. Впрочем, не уверен, что нам удалось отстоять от хищения колхозный урожай. Больше на ячменное поле нас не посылали. А что там делала семейка бригадира без нас — мы могли только предполагать.

Зато ждало нас бескрайнее другое поле, где предстояла изнурительная работа по прорезыванию ростков хлопчатника. Уж тут судьба колхозного урожая целиком зависела только от нас. Я уже говорил, что колхоз, в котором мы трудились, был привязан к Большому Ферганскому каналу имени товарища Сталина. От него бесчисленные рукотворные ручейки — арыки разносили растениям в поля благотворную влагу. Стояла жаркая пора, и в один такой знойный день учителя решили предоставить нам возможность отдохнуть возле воды. Не знаю как сейчас, а тогда по берегам канала растительности не было. Разве что кое-где на большом расстоянии друг от друга торчала пара случайных кустиков. Пологих берегов, как у обычной реки, бегущей по равнине, тоже не было. «Каракум-река» — это многокилометровая канава, вырытая людьми. Ее берега сразу круто обрывались, как в яму. Вода, где-то стекавшая с Тянь-шаньских ледников, оставалась холодной почти на всем протяжении искусственной реки. В этом я убедился, когда вслед за всеми, оттолкнувшись от одинокого кустика, бултыхнулся в воду. Школьники резвились в воде. Они умели плавать. Сказать, что плавать я не умею, я постеснялся. Поток, холодный и стремительный, понес меня. И я даже подумал, что уже умею плавать как все. Впереди торчал второй кустик, я рассчитывал за него ухватиться, чтобы выбраться на берег. Ребята продолжали резвиться в воде. Как всегда в таких случаях, кто-то пискливо кричал:

«Ой, тону, помогите!» Но все знали, что это шутка, и внимания на такие призывы о помощи, естественно, не обращали. Поток стремительно нес меня ко второму кусту. Вот он уже совсем близко. Но ухватиться за него я не успел, меня понесло дальше. А впереди не было ничего такого, за что можно было бы ухватиться, чтобы выбраться из этой бесконечной «ямы». Я отчетливо понял, что сам из воды не выберусь. Оставалось только одно — звать кого-то на помощь. И я стал отчаянно кричать: «Помогите! Помогите! Тону!» Но пловцы, забавляясь, весело кувыркались в воде и мой крик приняли за забаву очередного шутника. Я уже начинаю захлебываться, мне кажется, что к ногам у меня подвешен камень, который тянет ко дну. И тогда я начинаю орать по-новому: «Серьезно тону!» Наконец на мой странный вопль обратили внимание десятиклассники, забравшиеся на перекинутый через канал мостик передохнуть. Кто-то из них бросился в воду и помог мне взобраться на берег. Было стыдно и обидно. С тех пор в школе закрепилась за мной обидная кличка: «Серьезно тону».

Разумеется, все это было давно, когда я был еще школьником. И теперь, делясь с молодыми своим жизненным опытом, вспоминая о рискованных приключениях, которых было в моей жизни предостаточно, иногда я рассказываю и о «Каракум-реке» — знаменитом канале, вырытом кетменями тысяч колхозников в горячей пустыне за пару лет до войны. Своим скромным опытом подтверждая, что этот канал принес новую жизнь в пустыню Каракум, я с шуточной гордостью объявляю, что однажды даже тонул в Большом Ферганском канале имени товарища Сталина. Мне еще не встречался никто, кто тоже мог бы этим похвастаться.

Зима в южном Коканде, можно сказать, мягкая. Дувшие с гор ветры разносили морозящую

сырость. Она проникала сквозь одежду, доставала буквально до костей. Между тем, на градуснике, закрепленном на здании горсовета, ртутный столбик ниже деления плюс один по Цельсию не опускался.

Я ходил с красными распухшими руками. Старый фельдшер, оказавшийся нашим земляком, поставил диагноз: обморожение первой степени. Как? Ведь в Могилеве зимой стоят настоящие морозы, но там ничего подобного не случилось! Фельдшер объяснил: все дело в питании. Голодание сделало организм ослабленным. Он реагирует даже на такой относительный холод.

Примерно тогда же, помню, стоял я у палатки в очереди за батонем хлеба. Его еще с лета стали отпускать по карточкам. Вдруг к женщине, только что получившей батон и не успевшей убрать его в сумку, неожиданно подбежал босоногий парнишка в спущенной холщовой рубашке, выхватил батон и бросился наутек. За ним погнались стоявшие в очереди мужчины. Когда парнишка понял, что преследователи вот-вот его настигнут, он остановился и стал жадно есть хлеб. Остатки батона у него отобрали. А вот бить не стали. Пожалели голодного паренька.

Когда мы приехали в Коканд, мы были чуть ли не первыми беженцами, заброшенными войной в среднеазиатские дали. Но очень скоро улицы города заполнили люди из многих городов Украины и Белоруссии. А к зиме здесь появилось много москвичей. Появились, как я уже сказал, и испанские дети, которых во время гражданской войны испанские коммунисты отправили в Советский Союз. Эти дети были не очень общительны. У них были свои испанские воспитательницы, которые помогали им вдали от родины хранить родной язык и национальные традиции. Мы, помнившие о гражданской войне в Испании и

успевшие увидеть кинохронику тех дней, относились к этим детям с интересом и даже с каким-то преклонением.

А вот беженцы из Польши — польские евреи, не испорченные десятилетиями коммунистического перевоспитания, являясь типичным «мелкобуржуазным элементом», удивляли нас, показывая чудеса приспособляемости к жизни в новых условиях.

В 1939-м году, освободив Западную Белоруссию и Западную Украину, советская власть для социального перевоспитания этот «трофейный» мелкобуржуазный элемент направила на лесоповалы республики Коми и еще дальше — в сибирские поселения. Нападение Германии на Советский Союз неожиданно изменило судьбу этих людей. Не успев за полтора года окончательно отрешиться от своей мелкобуржуазной предприимчивости, они, обретя вдруг свободу, потянулись на теплый юг и довольно быстро здесь освоились. Сообразив, что узбекские сухофрукты, которыми были завалены рынки в Коканде и в других городах, где-то на Урале и дальше, на просторах Сибири, окажутся в большой цене, «недовоспитанные» польские граждане, восполняя промахи советской торговли военного времени, приспособились возить их в те далекие места. А с Урала, в обратную дорогу брали ручные часы, которые в Средней Азии являлись самым желанным дефицитом. Конечно, занятие тем, что во всем мире называют коммерцией, было для них делом привычным. Единственное, чего не могли эти люди понять: почему их нелегкий, но, безусловно, полезный труд нелегально называют спекуляцией и почему этот труд в советской стране уголовно наказуем.

Словом, польские граждане развернули коммерцию, до которой в военное время у государственной торговли руки не доходили. А вот в руках у мили-

цейской организации под названием ОБХС новоявленные коммерсанты оказывались часто. Как они выпутывались из рук блюстителей советских законов, они не рассказывали. Но свои коммерческие поездки не прекращали.

Да и в самом Коканде предприимчивые люди находили чем заняться. Например, на улицах проходим, особенно детям, предлагали завлекательные бумажные фантики, в которые были упакованы жареные ядра абрикосовых косточек. Казалось бы, что может быть проще? Но до появления в городе новоявленных коммерсантов занятая таким, говоря современным языком, бизнесом, здесь никому в голову не приходило.

Надо признать, что при всех сложностях, с которыми столкнулись эти люди, выросшие в другой экономической системе, они понимали, что Советский Союз спас их от верной гибели. Хотя страшное слово «Холокост» еще нигде тогда не звучало. Оказавшись в Советском Союзе, по крайней мере, в то, военное время, они были искренними патриотами нашей страны. Спустя много лет, на отдыхе в Карловых Варах я встретил пару американцев, которые оказались польскими евреями. В 1939-м, когда Красная армия вошла на территорию Западной Украины и Белоруссии, их посылали на лесоповал в Коми АССР и в другие не менее «романтичные» места. К моему изумлению, они с колоссальной нежностью вспоминали ту пору. Таежные закаты, морошку — ягоду, которая спасала от цинги. Тогда они были молодыми. Там у них зародилась любовь. Даже небольшая сутулость, образовавшаяся после того, как на неловкого парня свалилось подпиленное дерево, не омрачала его воспоминаний о стране, которая спасла их тем, что вывезла в 1939-м из Польши.

Я уже говорил, что после седьмого класса поступил в грознен-

ский нефтяной техникум, эвакуированный в Коканд. Техникум занимал лучшее здание в городе. А главное — при нем был самый большой зал, который стал театральным. Мое обучение там совпало с гастролями Московского театра имени Ленинского комсомола. Им руководил великий Берсенев. В техникуме был у нас военрук. Строгий мужчина — чеченец. Он придумал для нас замечательную вещь. Приказом по техникуму, в связи с Великой Отечественной войной, всех студентов он объявил переведенными на военное положение. Это означало, что после занятий нам торжественно вручали деревянные макеты винтовок, нарукавные красные повязки, и мы отправлялись патрулировать здание. Естественно, основным объектом патрулирования становился театральный зал. Короче, все представления были для нас бесплатными. Пьесу Симонова «Русские люди» я видел не менее десяти раз. Знал наизусть монолог Глобы, которого отправляли в разведку в тыл к немцам. Глоба покидал сцену с песней: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет...» Проводив его, к штабисту обращался генерал: «Ты видал, аль не видал, полковник, как русские люди на смерть идут?»

Помню встречу нового 1943 года. Вечер вели артист вахтанговского театра Николай Гриценко и его сестра Лилия. С блокнотиком в руках она пела песню, слова которой получила чуть ли не перед самым концертом, — «Землянку». Все верили, что новый год станет годом окончания войны. Союзники откроют обещанный второй фронт, и Гитлеру будет капут. «Землянка» придала удивительную ауру этому вечеру. «...Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза. И поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза...» У всех, кто тогда собрался в нашем украшенном к новому году техникуме, кто-то родной или близкий был

далеко на фронте. Провозглашая тосты, говорили о скорой победе. И в этой песне, рожденной где-то в подмосковных снегах, слышались и тоска, и надежда. «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага». И каждый видел: там, далеко, в занесенной снегами землянке сейчас тоскует, думает о любимой родной человек. Суждено ли ему выжить, преодолеть эти страшные четыре шага? Не стеснясь, люди плакали. Ставшую вдруг родной Лилию Гриценко со сцены не отпускали. Она несколько раз пела «Землянку» и каждый раз — как будто впервые. Потом, и в войну и после, я много раз слышал эту колющую душу песню. Но почему-то всегда ее пели мужчины. Знаменитые, выдающиеся артисты с прекрасными голосами. Конечно, их исполнение всякий раз волновало. Но я до сих пор слышу тот тоскующий женский голос — голос Лилии Гриценко.

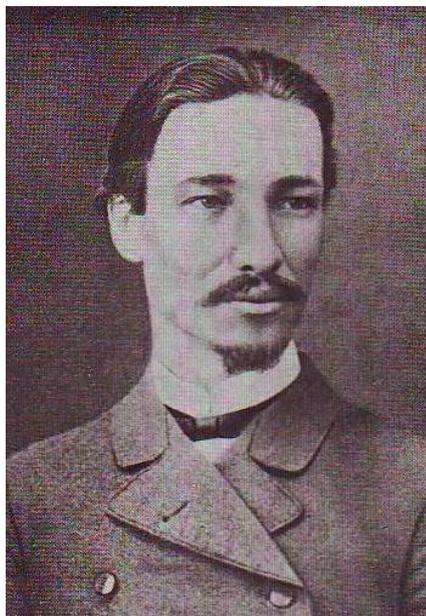
В сорок третьем году война не кончилась. Не закончится она и в сорок четвертом. Но в воздухе уже витал навеянный сталинградским сражением дух неизбежно близившейся Победы. После Сталинграда в Москву стали возвращаться эвакуированные предприятия. Менделеевский институт, в котором училась моя сестра, тоже готовился к возвращению в Москву. Увозили в Москву и студентов. Им даже разрешали брать с собой семьи — родителей, братьев, сестер. В эвакуированном из Грозного нефтяном техникуме к тому времени я уже успел «нахватать» пятерок. Здесь, как и год назад в школе, меня объявили перспективным учеником и потому отказывались отпускать в Москву. И все же вместе с сестрой и матерью я оказался в «менделеевском поезде», торжественно покидавшем Коканд.

В Москве я поступил в недавно созданный авиамоторный техникум, который спустя три года закончил с отличием.

СПИСОК ПРОФЕССОРОВ, УТВЕРЖДЕННЫХ ГУС"ом и ГЛ.втуз"ом.

1. БЕЛИКОВ Вос Васильев.		
✓ 2. БУРДАКОВ Алекс-др Алекс-др.	Насосы и компресс.	Утвер. 9/X
3. ВОРОЖЦОВ Николай Никол.	Красители	Утверж. 3/X
4. ДАНИШЕВСКИЙ Алекстр. Семен.	Крас. Краш.	
✓ 5. ДУКЕЛЬСКИЙ Марк Петров.	Химич. Сопротивл.	Утверж. ГУС 24г. ГУС.
✓ 6. ЖМУДСКИЙ Лев Вениамин.	Соц. Эконом.	
✓ 7. ЗЕРНОВ Борис Сергеев.	Математика	I/IX - 23г. Г
8. КАРАВАЕВ Никол. Мих.	Коксобенз.	Утв. Гл. втуз.
9. КОТЕЛЬНИКОВ Алекс-др Петр.	Теор. Мех.	24/УП - ГУС
10. КЛАССЕН Виктор Эмильев.	Гидравлик.	15/Ш ^{26г.} - 26. ГУ
11. КРЫЛОВ Иван Александр.	Теплотехник.	н е т
12. ДАВРЕНТЬЕВ Мих. Алексеев.	Математика	н е т
✓ 13. МИХАЙЛЕНКО Яков Ив. нов.	Общ. я химия	I/I - 24г. ГУ
14. МОРТЯНОВ Никол. Алексеев.	Теплотехник.	I/X - 28г. по с в Гл. втуз н. утверждение
15. МУРАВЬЕВ Александр Георг.	Физика	I/XI - 25г. ГУ
16. ОПАРИН Александр Иванов.	Тех. биохимия	
✓ 17. ПЕСКОВ Никол. Петр.	Физ. химия	I/XI - 24г. Г
18. СИПЯГИН Александр Сергеев.	Краш. Паточн.	1922г. ГУС.
✓ 19. ТИЩЕНКО Иван Александр.	Химич. Машино стр.	21/XI - 21г. Г
✓ 20. ШАРШКИН Конст. Иванов.	Печи и топки	I/II - 22г. Г
✓ 21. ЮШКЕВИЧ Никол. Федор.	Основн. химия	I/XI - 23г. Г
✓ 22. ШОРЫГИН Павел Полуэкт.	Орг. химия	I/IX - 25г. Г

Этот список профессоров, утвержденных Главным ученым советом и Главным управлением ВТУЗов, был обнаружен Центром истории случайно в одной из архивных папок с личными делами менделеевцев. Имена некоторых профессоров не были включены в издание «Профессора Университета Менделеева. XX век». Это: Беликов В.В., Данишевский А.С. (красители), Жмудский Л.В. (соц. эконом.), Кательников А.П. (теор. мех.), Крылов И.А. (теплотех.), Муравьев А.Г. (физика), Опарин А.И. (тех. биохимия). В этом номере ИВ публикуем материалы о профессорах из этого списка.

ПРОФЕССОР МЕНДЕЛЕЕВКИ КОТЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ*Из статьи Н.Н. Макеева, опубликованной в «Вестнике Пермского университета» 2010 г., вып. 3*

В октябре 2015 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося российского ученого и педагога, одного из создателей и творцов науки в области механики и геометрии, последователя и продолжателя научного творчества Н.И.Лобачевского, редактора собраний сочинений Н.Е. Жуковского и Н.И. Лобачевского, заслуженного деятеля науки профессора Александра Петровича Котельникова.

А.П. Котельников является одним из создателей винтового исчисления; он внес значительный вклад в неевклидову механику и неевклидову геометрию. Его плодотворные научные идеи и творчество в целом оказали определяющее влияние на развитие этих областей науки на многие последующие годы. Он – талантливый педагог, обучивший и воспитавший многих ученых, педагогов - механиков и математиков.

Биографический очерк

Александр Петрович Котельников родился 8 (20) октября 1865 г. в Казани. Его отец, Пётр Иванович Котельников (1809-1879), был профессором Казанского

университета, помощником и коллегой Н.И.Лобачевского, товарищем знаменитого хирурга Н.И. Пирогова. Александр Котельников был одним из лучших по успеваемости учеников гимназии, которую окончил в 1883 г. с серебряной медалью. В этом же году он поступает в Санкт-Петербургский технологический институт, но в следующем году переводится на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета. Еще в студенческие годы А.П. Котельников активно занимался научными исследованиями. Как отмечал сам А.П. Котельников, его первым печатным научным трудом явилась статья «Теория календаря», опубликованная, вероятно, до 1890 г. (работа утрачена) [1].

В российских университетах того времени была принята ученая степень кандидата, которая, в отличие от последующей степени магистра, присваивалась выпускникам, выполнившим и защитившим специальную научную работу – кандидатскую диссертацию. В 1888 г. А.П.Котельников под руководством профессора И.С. Громеки подготовил кандидатскую диссертацию на тему «О давлении потока жидкости на плоские стенки», а 27 мая 1889 г. Советом физико-математического факультета он утверждается в степени кандидата математических наук. Получение степени позволило представить его к «оставлению при университете стипендиатом для подготовки к профессорскому званию», что соответствует современной аспирантуре.

Продолжая активную разработку своих творческих замыслов, А.П.Котельников в 1899 г. создает и публикует фундаментальную работу «Проективная теория векторов». Эта работа была представлена им в качестве

диссертации на соискание ученой степени доктора прикладной математики и успешно защищена в Казанском университете 23 мая 1899 г. (всего через три года после защиты магистерской диссертации!).

В 1898 г. был образован Киевский политехнический институт (КПИ), основателем и первым ректором которого стал выдающийся ученый-механик профессор В.Л.Кирпичев[2]. В 1899 г. А.П.Котельников избирается заведующим кафедрой теоретической механики этого института. В КПИ он работает по 1903 г., читая различные курсы механики.

В 1904 г. А.П.Котельников приглашается на кафедру чистой математики Казанского университета, где он избирается на должность заведующего кафедрой. В 1914 г. А.П.Котельников возвратился в Киев, где преподавал на кафедре математики Киевского университета.

В 1924 г. А.П.Котельников переезжает в Москву в связи с его избранием заведующим кафедрой математики Московского высшего технического училища (МВТУ). Здесь он работал до конца жизни в качестве профессора сначала кафедры математики, а затем кафедры теоретической механики. Помимо этого он в разные годы вел курсы теоретической механики в четырех московских вузах: Институте инженеров транспорта, **Химико-технологическом**, Лесотехническом и Энергетическом институтах, а также на Высших инженерно-педагогических курсах.

В период с 1930 по 1944 г. А.П.Котельников работает в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ) в качестве научного руководителя группы аспирантов-механиков, и главного редактора полного собрания сочинений (ПСС) Н.Е.Жуковского.

А.П.Котельников работал до последних дней жизни. Его жизненный путь завершился 6 марта 1944 г. на 79-м году.

Научное творчество

Результатом научной деятельности А.П.Котельникова явились работы по геометрии, гидродинамике, теоретической механике евклидова и неевклидова пространства, теории механизмов.

А.П.Котельников вводит понятия: силовой винт, винт скорости (кинематический винт) и винт количества движения в евклидовом пространстве. Им получен следующий общий результат: совокупность винтовых движений, возможных для данной неизменяемой системы, образует группу движений.

Справедливо и обратное: каждая группа движений возможна для голономной механической системы.

А.П.Котельниковым доказывается теорема о винте количества движения механической системы – аналог соответствующей классической теоремы. Отсюда находится условие существования винтового интеграла количества движения. Им получен и ряд других общих свойств движения механической системы.

А.П. Котельниковым рассматривались и вопросы геометрической интерпретации механики специальной теории относительности и классической механики. На заседании Московского математического общества 29 апреля 1923 г. он выступает с докладом «Принцип относительности и геометрия Лобачевского». Таким образом, еще в 1923 г. А.П.Котельниковым была установлена связь между идеями Н.И.Лобачевского в геометрии неевклидова пространства и положениями специальной теории относительности с позиций проективной геометрии.

В 1937 г. в сборнике «Труды Московского механико-машиностроительного института»

(впоследствии – МВТУ) публикуется статья А.П.Котельникова «Заметка о графической динамике». В ней формулируются теоремы, устанавливающие связь между ускорениями точек твердого тела в плоскопараллельном движении и силами, приложенными к этому телу. Эти теоремы упрощают графическое определение реакций связей и позволяют эффективно решать задачи кинематики плоского движения твердого тела. Такая статья является наглядным примером эффективного применения геометрических методов к решению задач теоретической механики, в частности, применения теории полюсов и поляра – объектов проективной геометрии.

Являясь талантливым педагогом, А.П.Котельников подготовил ряд известных деятелей науки. К ним, в частности, относится его ученик по Казанскому университету В.А.Яблоков; по Киевскому университету – Б.Н.Делоне, А.Л.Наумов, Т.В.Путята, Ю.Д.Соколов. Все они – представители его педагогической школы.

Большая заслуга А.П. Котельникова состоит в том, что в его работе впервые в полном виде сформулирован так называемый «принцип перенесения». Согласно этому принципу все операции винтового исчисления можно построить в точном соответствии с операциями векторного исчисления, если в последнем все действительные величины заменить комплексными с множителем, обладающим специальными свойствами. Это дает возможность одним уравнением заменить шесть исходных скалярных уравнений механики, и сложные аналитические соотношения приобретают значительную компактность.

Заслугой А.П.Котельникова является и установление глубокой связи между идеями Н.И.Лобачевского в неевклидовой геометрии и принципами

специальной теории относительности с позиций проективной геометрии.

Идеи А.П.Котельникова нашли дальнейшее развитие и применение как в России, так и за рубежом.

По-видимому, истинное значение научных достижений А.П.Котельникова к настоящему времени достаточно полно еще не раскрыто; это значение должно установить будущее. Ибо, по словам В.И.Вернадского, «значение творческой работы ученого определяется временем». Это же относится и к возможным практическим приложениям созданной им теории.

Развитый А.П.Котельниковым аппарат винтового исчисления находит применение и в настоящее время. Разработка и успешное применение этого аппарата в механике и геометрии составляет яркую страницу в истории этих наук.

Список литературы

1. Путята Т.В., Лаптев Б.Л., Розенфельд Б.А., Фрадлин Б.Н. Александр Петрович Котельников (1865-1944). М.: Наука, 1968. 122 с.
2. Боголюбов А.Н. Математики, механики. Биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1983. 639 с.
3. Котельников А.П. Теория векторов и комплексные числа (Начала механики в неевклидовом пространстве) // Котельников А.П., Фок В.А. Некоторые применения идей Лобачевского в механике и физике. М.; Л.: ГИТТЛ, 1950. С.7\47.
4. Диментберг Ф.М. Винтовое исчисление. М.: Наука, 1965. 199

ПРОФЕССОР МЕНДЕЛЕЕВКИ ОПАРИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

К. Л. ГЛАДИЛИН, доктор химических наук

Александр Иванович Опарин (1894—1980) — советский биолог и биохимик, создавший теорию возникновения жизни на Земле из абиотических компонентов; академик АН СССР (1946; член-корреспондент с 1939), Герой Социалистического Труда (1969).

В 1912 году окончил 2-ю московскую гимназию, в 1917 году — естественное отделение физико-математического факультета МГУ. В 1925 году начал читать в МГУ курс лекций «Химические основы жизненных процессов»; в 1931 году — курс технической биохимии. В 1930-1931 годы был профессором кафедры технической биохимии Московского химико-технологического института и кафедры технической биохимии Московского института технологии зерна и муки.

С начала 1935 года начинает свою работу Институт биохимии АН СССР, основанный Опариним совместно с А.Н. Бахом.

3 мая 1924 года на собрании Русского ботанического общества выступил с докладом «О возникновении жизни», в котором предложил теорию воз-

никновения жизни из первичного «бульона» органических веществ. В середине XX века были экспериментально получены сложные органические вещества при пропускании электрических зарядов через смесь газов и паров, которая гипотетически совпадает с составом атмосферы древней Земли. В качестве протоклеток Опарин рассматривал коацерваты — органические структуры, окружённые жировыми мембранами.

В 1942—1960 годах А. И. Опарин заведовал кафедрой биохимии растений МГУ, где читал курсы лекций по общей биохимии, технической биохимии, спецкурсы по энзимологии и по проблеме происхождения жизни.

В 1970 году было организовано Международное научное общество по изучению возникновения жизни (International Society for the Study of the Origin of Life), первым президентом, а затем почётным президентом которого был избран Опарин. Исполком ISSOL в 1977 году учредил Золотую медаль имени А. И. Опарина (англ.)русск., присуждаемую за важнейшие экспериментальные исследования в этой области.

Умер 21 апреля 1980 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А.И. ОПАРИНА

Расположенный на самом берегу Волги старинный русский городок Углич - удивительно живописен. Здесь 2 марта 1894 г. родился мальчик, которому суждено было стать знаменитым, обогатить мировую науку оригинальными идеями и исследованиями. Еще в школьные годы он увлекся ботаникой, собирал гербарии, ставил простые опыты на растениях. Эту любовь

Александр Иванович Опарин сохранил на всю жизнь: разводил на даче под Звенигородом редкие сорта роз, вырастил там на веранде прекрасный «зимний сад» с великолепной монстерой и другими тропическими растениями. Не случайно его первое публичное выступление по гипотезе происхождения жизни на Земле состоялось у ботаников - на заседании отделения Всероссийского ботанического общества. Случилось это в 1922 г.

Да и потом он много внимания уделял биохимии растений и биохимическим основам переработки растительного сырья, гордился избранием в почётные члены Всесоюзного ботанического общества.

В юности на него очень сильное впечатление произвела книга «Жизнь растений» К.А. Тимирязева, которого он считал своим первым учителем. Будучи гимназистом, Опарин слушал его популярные лекции, с увлечением читал труды по дарвинизму и уже тогда стал убежденным сторонником эволюционного учения... сравнительной биохимии окислительно-восстановительных процессов у простейших водорослей, начатые им в университетские годы, привели к изучению химических основ эволюционного развития жизни и разработке основных положений ее происхождения на Земле. Крупнейшей научной заслугой ученого является то, что он убедительно показал возможность и перспективность экспериментального подхода к решению этой проблемы: прежде она считалась чисто философской, не разрешимой методами естественных наук. Профессор Макгильского университета М. Бунге считал гипотезу А.И. Опарина гениальной: «Можно доказать, что (...) гипотеза Эйнштейна (...) Опарина (...) или электрон-

ная вычислительная машина (...) представляют собой произведения, потребовавшие больше воображения, чем «Давид» Микеланджело, «Гамлет» Шекспира и «Страсти по Матфею» Баха».

Как известно, основные положения гипотезы были сформулированы им уже в первом публичном выступлении (1922) и в первой монографии «Происхождение жизни» (1924). Английский кристаллограф Джон Бернал особо подчеркивал значение этой небольшой по объему (лишь 71 страница) книги: «Программа, намеченная А.И. Опариним, породила огромную массу исследований. В начале разработки какой-либо научной программы самое главное (...) увидеть и сформулировать сами вопросы. Вспомним ли мы Ньютона, или Лавуазье (...) или Пастера (...) мы всякий раз убеждаемся в правильности этого положения (...) Данная работа (...) послужила отправной точкой для всех остальных».

Сущность теории Опарина - постулирование закономерного характера возникновения жизни в результате длительного процесса химической эволюции соединений углерода, приведшей к образованию различных, в том числе и полимерных, органических соединений, и последующего действия естественного отбора на уровне формирующихся из этих соединений многомолекулярных образований - обособленных от внешней среды, но постоянно с ней взаимодействующих предбиологических структур.

Для того чтобы осознать всю силу научного предвидения Опарина, необходимо вспомнить уровень естествознания в начале нашего века. Представления об обмене веществ и его эволюции находились тогда в зачаточном состоянии. Большинство ученых были убеждены, что биологические соединения могут образовываться *de novo* лишь в результате фотосинтеза. В качестве первичных организмов

рассматривались простейшие водоросли, строение которых достаточно сложно, в связи с чем они вряд ли могли возникнуть в результате любых предбиологических процессов. Сопоставляя отрывочные в то время сведения об обмене веществ у автотрофов и гетеротрофов, Александр Иванович пришел к мысли о его общности у этих групп организмов и о возможности эволюционного возникновения автотрофов из гетеротрофов в результате появления нескольких дополнительных реакций, тесно связанных с основным обменом веществ. Из этого он сделал вывод о первичности гетеротрофов и о необходимости для их возникновения образования и накопления основных биологически важных соединений в результате абиогенных (химических) синтезов.

Молодой ученый предсказал возможность первичного образования простейших органических веществ и уверял, что они будут обнаружены на космических телах в условиях, исключающих их биогенное происхождение. Исследования, проведенные много позднее, полностью подтвердили это положение его теории. «В ранних работах А.И. Опарина, - отмечал американский исследователь Р. Янг, - сильнее всего поражает то, что развиваемые им представления были по существу космологическими по глубине и широте охвата проблемы. Он рассматривал происхождение жизни как закономерную часть ранней эволюции планеты (...), сумел сделать исключительные неоспоримые выводы, которые даже (...) в настоящее время (...) остаются незыблемыми».

Александр Иванович был не только блестящим ученым, но и выдающимся педагогом. Он начал преподавать в 1921 г., затем заведовал кафедрой биохимии растений (1942 - 1964), до конца своих дней был профессором Московского университета (а

также профессором Московского института пищевой промышленности и ряда других институтов).

В тяжелые для отечественной науки (особенно биологии) годы Опарин был заместителем академика-секретаря (1945 - 1948), затем академиком-секретарем Отделения биологических наук и членом Президиума АН СССР (1948 - 1955). Сейчас его многие упрекают за то, что в те времена он не боролся с Лысенко, а сохранил с ним почти приятельские отношения. Осуждать кого-либо, не имея при этом всей необходимой информации, - занятие не из достойных. Хочу лишь напомнить, что несмотря ни на что, именно тогда на кафедре биохимии растений МГУ, возглавляемой А.И. Опариним, и в Институте биохимии, директором которого он был, целая группа сотрудников под руководством А.Н. Белозерского продолжала исследовать ДНК у бактерий и растений, из которой, как уже предполагалось, построены «пресловутые гены».

Действительно, он не дал «должного отпора» Лысенко, что, конечно, поставило бы под угрозу все работы по фундаментальным проблемам биохимии, проводившиеся тогда и на кафедре биохимии растений МГУ, и в Институте биохимии. Но, согласимся, в конечном счете своим авторитетом и дипломатичностью он способствовал зарождению в России молекулярной генетики, ненавистной тогдашней идеологии. Причем, эти работы по нуклеиновым кислотам (в дальнейшем они легли в основу отечественной молекулярной биологии и геносистематики) велись открыто, а не подпольно. Ведь Белозерский продолжал оставаться и заведующим лабораторией Института биохимии, и заместителем Опарина по кафедре биохимии растений МГУ.

Позиция А.И. Опарина была четко продуманной: поскольку нуклеиновые кислоты имеются у

всех организмов, их надо изучать.

Способность в любом вопросе, в любой проблеме быстро и четко выделить главное Александр Иванович пронес через всю свою жизнь. Отсюда и его талант популяризатора науки: самые сложные научные проблемы он мог ясно и доступно изложить даже неискушенному слушателю. При этом не упрощал вопрос, а лишь делал его более доступным для понимания, поясняя специфические научные термины яркими и содержательными образами. Он никогда не отказывался выступать перед школьниками, перед любой другой аудиторией неспециалистов, интересующихся проблемой происхождения жизни, и относился к этим лекциям чрезвычайно серьезно.

Как лучший популяризатор науки А.И. Опарин в 1976 г. был награжден Международной премией Калинга (ЮНЕСКО).

В 1939 г. Александра Ивановича избрали членом-корреспондентом, а в 1946 г. - действительным членом Академии наук СССР. Он проявил незаурядные способности и как организатор отечественной науки: в 1935 г. совместно с А.Н. Бахом создал первый в системе Академии наук Институт биохимии, руководил работой его сотрудников в качестве заместителя директора и заведующего лабораторией, а с 1946 г. и до конца своей жизни возглавлял институт. Александр Иванович был организатором и первым президентом Всесоюзного биохимического общества, председателем национального Комитета советских биохимиков, вице-президентом Международного биохимического союза, членом Международного комитета по космическим исследованиям (КОСПАР), главным редактором Докладов АН СССР и членом редакционных коллегий многих отечественных и международных журналов. На поприще общественного деятеля он

тоже преуспел: состоял членом Президиума Верховного Совета РСФСР, Всемирной федерации научных работников, Всемирного Совета Мира и многих других. Ко всем своим делам - научным, педагогическим, общественным - Опарин относился с должной серьезностью. И все же никогда никуда не спешил и не опаздывал. На любое мероприятие (лекцию, выступление), на аэродром, вокзал всегда приезжал за 20 - 30 минут до установленного срока.

Международный авторитет Опарина необычайно высок. Его книги по проблеме происхождения жизни переведены и изданы практически во всех странах. Он ездил по приглашению в США на запуск космической станции. Его узнавали и приветствовали на улицах, а шофер такси в Индии (по рассказу жены академика) уверял, что со школьных лет знаком с его теорией. Александр Иванович был избран членом ряда зарубежных академий и научных обществ, почетным доктором многих иностранных университетов; у него много наград - как зарубежных,

так и отечественных, в том числе: золотая медаль им. И.И. Мечникова, золотая медаль им. М.В. Ломоносова, Ленинская премия за цикл работ по происхождению жизни, он удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Академик Опарин был ярким и разносторонним человеком. Он любил природу и поэзию, прекрасно читал стихи, любил принимать гостей и сам был интересным собеседником, исключительно наблюдательным, с тонким чувством юмора. Среди его друзей были не только ученые многих стран мира, но и певец Иван Козловский, художник Сальвадор Дали.

Он был человеком большой воли и самообладания. И до конца своих дней продолжал работать, сохранив абсолютно ясную голову.

Жизнь Александра Ивановича Опарина, его имя и дела вошли как эпоха в историю отечественной и мировой науки.

К.Л. Гладиллин, д.х.н., вестник Российской Академии Наук, 1994, том 64, № 5, с. 432 - 447

Академик А.И. Опарин после присуждения ему звания Героя Социалистического Труда. Справа от виновника торжества - его ближайшие сподвижники Н.Н. Дьячков ученый секретарь Института биохимии им. А.Н. Баха и Е.В. Косминская, многолетний референт Александра Ивановича.

ОТ «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЫ» ДО ВЕЧНОГО ОГНЯ

Памяти С.А. Джобадзе – выпускника МХТИ 1934 года
по материалам сайта г. Щекино

В архиве РХТУ хранится личное дело студента Сергея Джобадзе.

В Менделеевку он перевелся в 1931 г. из Закавказского химико-технологического института г. Тифлиса. В деле несколько интересных документов (некоторые на грузинском языке (см. стр. 30) в том числе свидетельство о рождении, выданное Грузино-Имеретинской синоидальной конторой, справка о работе радиомехаником на закавказской ж\д. Связь с нашим знаменитым выпускником была надолго потеряна, и приводимые публикации восполняют этот пробел в истории Менделеевки.

В преддверии славной даты - 70-летия Победы в Великой Отечественной войне - сотрудниками Щёкинского художественно-краеведческого музея была проведена большая исследовательская работа, результатом которой стало открытие выставки, посвящённой замечательному человеку, ветерану Великой Отечественной войны, директору Щёкинского химкомбината, инициатору зажжения Вечного огня в рабочем посёлке Первомайский, Сергеем Александровичем Джобадзе.

17 марта 2015 г. в Щёкинский район приехали Мария Сергеевна Джобадзе, дочь Сергея Александровича, и Михаил Александрович Джобадзе, его внук.

В ходе визита гости приняли участие во встрече с молодежью и общественностью в Щёкинском краеведческом музее. Мероприятие, организованное музеем при содействии «Щёкиноазот», было посвящено судьбе этого легендарного человека.

В Щёкинском районе хорошо знают и чтят Сергея Джобадзе. Выпускник Московского химико-технологического института

им. Д.И.Менделеева, кандидат технических наук, фронтовик, один из авторов так называемой рельсовой войны, директор Щёкинского химического комбината – он возглавлял завод с 1955 года по 1962. Позже перешел на работу в Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике. Вел большую общественную деятельность, работу с молодежью... Сергей Александрович возглавлял в Москве Совет ветеранов Великой Отечественной войны.

В военные годы Джобадзе лично занимался организацией и формированием партизанских и истребительно-диверсионных групп, их подготовкой и боевого использования в тылу противника. Его огромный вклад в Победу – разработка так называемой рельсовой войны, в значительной мере определившей успех нашей страны в Великой Отечественной.

В судьбе Джобадзе была и такая страница: некоторое время он был комендантом Берлина. И это задание советского руководства он выполнил.

Что касается Щёкинского района, то именно при Джобадзе в 1956 году был установлен обелиск на братской могиле на въезде в посёлок Первомайский. Сначала это был небольшой деревянный памятник. Потом – величественный монумент, скульптура Скорбящий воин, в строительство которого директор вложил личные средства, перечислив на это госпремию. При Джобадзе и по его инициативе в Первомайском загорелся вечный огонь, к стати сказать, первый в СССР.

Именно при Джобадзе начал строиться и расцветать посёлок химиков Первомайский, позже признанный самым благоустро-

енным и чистым в Советском Союзе. Завод выделял значительные средства на обустройство поселка.

В середине 50-х годов, когда заводом руководил Сергей Джобадзе, заработал легендарный Первомайский ДК, который был настоящим центром районной культуры.

...Сергей Джобадзе родился в 1909 году. В 1934-м окончил Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева.

Война началась для него в июле 1941 года. Сергей работал в штабе истребительных батальонов и в 4-ом управлении НКВД Москвы и Московской области.

Спецшкола НКВД находилась в доме отдыха «Северский» недалеко от города Коломна. Именно там инженер, майор Джобадзе готовил диверсионные группы, занимался организацией и формированием партизанских и истребительно-диверсионных групп, их боевой подготовкой

для использования в тылу противника, а также подготовкой партизанских кадров диверсантов-подрывников штаба истребительных батальонов.

– Одно из ранних воспоминаний детства для меня, – говорит Михаил Джобадзе, – когда 9 мая дед брал меня за руку, и мы вместе с ним шли на встречу с ветеранами, его боевыми товарищами. По дороге он рассказывал о своей службе. О том, что на первое задание выпускников спецшколы всегда шёл вместе с ними во главе группы, о том, как немцы боялись Грузина и Хромого (так они прозвали деда и его товарища, раненого в ногу), в такие моменты передавали друг другу по радиации «Ахтунг!», то есть «Внимание!».

Руководители спецшколы Никулочкин, Колесников и Джобадзе разработали технические и тактические основы «рельсовой войны» - способа массового вывода рельсов из строя малыми зарядами тыловых шашек на железных дорогах в тылу врага.

Так как Сергей Джобадзе был химиком по образованию, он предложил вместо 400 граммов тротила использовать 70. Было много сомневающихся в эффективности такого способа, но идея нашла одобрение у всех крупнейших военных специалистов.

В феврале 1942 года в Кремле было первое награждение партизан правительственными наградами. Сергей Александрович Джобадзе был отмечен медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Медаль вручал председатель Президиума Верховного совета СССР Михаил Иванович Калинин.

Широко применялась операция «Рельсовая война» на Курской дуге. На совещании в ставке Гитлера фельдмаршал фон Круге, отступая на новые позиции, докладывал: «В тылу у меня всюду партизаны, которые... всё больше усиливаются... Это 400 проклятых диверсий, взрывов на железных дорогах».

Начальник военного сообщения армии «Центр» говорил о том, что советские партизаны в тылу этой группы с июля по декабрь 1943 года произвели 42 тысячи взрывов, в результате чего было безвозвратно потеряно более 500 километров железнодорожных рельсов.

Партизаны Белоруссии только за одну ночь с 19 на 20 июля превали транспортную систему, взорвав все железнодорожные пути западнее Минска.

Немецкий генерал Гренер считал: «Там, где перестают ходить поезда, война кончается сама собой». Поэтому 6240 вагонов и платформ с рельсами из Франции, Польши, Германии фашисты бросили на восстановление железных дорог СССР.

Таким образом, тактика «рельсовой войны» и другие диверсии партизан сократили общие железнодорожные перевозки на территории, оккупированной

немцами, на 40 процентов, что оказало неоценимую помощь Красной Армии в наступлении.

В 1975 году в Москве была выпущена книга «Разработка и внедрение «Рельсовой войны» в Великой Отечественной войне», где описано много интересных исторических фактов. Одним из её авторов стал Сергей Джобадзе. Эта книга хранится в архивах Щёкинского музея.

9 июня 1945 года Советом народных комиссаров СССР подполковник Сергей Александрович Джобадзе командирован в Берлин для выполнения специального задания. Заместитель начальника тыла Красной Армии генерал-лейтенант интендантской службы Баюков даёт распоряжение начальникам тыла фронта, начальникам тыла армий и военным комендантам оказывать товарищу Джобадзе необходимое содействие и помощь в выполнении возложенного на него задания. Как рассказывает внук Михаил, ответственное правительственное задание было выполнено успешно.

После войны Сергей Александрович работал начальником управления газопроводов Саратов-Москва, затем начальником сланцевого химического комбината в городе Кохтла-Ярве Эстонской ССР, откуда в 1949 году был подан первый газ в Ленинград. С 1952 по 1955 год был директором строящихся газопроводов Миннефтехимпрома.

12 августа 1955 года Сергей Александрович назначается директором Щёкинского газового завода. На этом ответствен-

ном посту он находился до 1962 года. При нём началась реконструкция газового завода в химический.

Вспоминает Юрий Ильич Давыдов, бывший генеральный директор ОАО «Щёкиноазот», сейчас советник генерального директора ОАО «Щёкиноазот»:

– Я приехал на газовый завод в 1958 году, окончив техникум. Сюда съезжалась молодёжь со всей страны. О Сергее Александровиче мы тогда отзывались, как об отце – «строгий, но хороший». Ко всем он относился одинаково доброжелательно, с уважением. Большое внимание уделял досугу. Сам увлечённый спортом, он и для работников организовал теннисные столы, бильярд, стадион с кортом для игры в большой теннис. Начал работать и Дворец культуры. Тогда же открывались детские сады, больница...

Одновременно с налаживанием производства Сергей Александрович ведёт большую общественно-политическую и патриотическую работу с населением, особенное внимание уделяет воспитанию молодёжи. По его просьбе состоялась встреча работников Щёкинского химкомбината с Героем Советского Союза лётчиком Алексеем Маресьевым. Директор крупнейшего в стране химкомбината был одним из участников посадки деревьев на аллее партизан в Москве.

На территории Щёкинского района в то время было много небольших братских могил. Сергей Джобадзе вместе с молодёжью и Щёкинским военкоматом решили перенести останки погибших солдат в общую братскую могилу, которую устроили на развилке дороги, ведущей на строящийся химкомбинат. Затем возникла идея поставить величественный памятник нашим воинам и зажечь Вечный огонь на братской могиле.

Первый газ для факела был

подан с завода, а позже его переключили на природный газ. Вечный огонь в посёлке Первомайский был зажжён на несколько месяцев раньше, чем на Марсовом поле в Ленинграде (6 ноября 1957 года).

– На строительство памятника Сергей Александрович потратил свою Государственную премию, всё до копейки ушло на оплату работы архитектора, строителей, – рассказывает Михаил Джобадзе.

– Дед окончил войну подполковником. Мой отец – морской офицер. Дядя Сергей – полковник внутренних войск, возглавлял работу по созданию разведки Внутренних войск МВД России, воевал в Афганистане, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Чечне. Я, внук, 35 лет отдал флоту, капитан 1 ранга. Правнук – капитан-лейтенант. Нет сомнений, что и праправнуки продолжат военную династию Джобадзе.

Сергей Александрович Джобадзе был награждён орденом Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» I степени, девятью медалями, почётным знаком Советского комитета ветеранов Великой Отечественной войны, а также многими грамотами и благодарностями.

С 1962 по 1970 годы Джобадзе избирался членом парткома Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике. Неоднократно был членом Щёкинского горкома, Тульского обкома КПСС, Тульского облсовета, стал делегатом XXII съезда КПСС. В 1979 году Указом Президиума Верховного

Совета РСФСР Джобадзе было присвоено почётное звание «Заслуженный химик РСФСР».

Наталья Пилюс:

– Так случилось, что более десяти лет Вечный огонь не горел, и для щёкинцев было очень важно восстановить его. Два года назад при поддержке губернатора Тульской области Владимира Сергеевича Груздева огонь был зажжён вновь. Факел поднёс ветеран Великой Отечественной войны, создатель музея авиации в школе № 15 Василий Николаевич Новиков.

Щёкинские химики помнят о своём директоре. Так, на митинге, посвящённом 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, они сфотографировались у памятника воинам-победителям и отправили фотографию в Москву с такими словами: «Сергею Александровичу Джобадзе, создателю этого замечательного памятника воинам-победителям на 200-м километре шоссе Москва-Симферополь. Мы вспоминаем добрыми словами вас, проходя дважды в день этот тихий уголок с Вечным огнём и скорбными берёзами, как создателя, как замечательного руководителя прославленного коллектива щёкинских химиков. 1975 год».

Сергей Джобадзе на церемонии зажжения Вечного Огня в Первомайском, Щёкино, ...sportvtule.ru

ил Михайлович Вяземский, р. 14.01.1924 в Петрограде, ум. 25.01.1966 в Уфе, похоронен на Головинском кладбище в Москве. Участник ВОВ и партизанского движения в Крыму. Окончил Московский химико-технологический институт им. Менделеева в 1951. С 1951 работал начальником цеха, гл. инженером завода в Алтайском крае. С 1957 – начальник управления подмосковного совнархоза.

Отец – Михаил Федорович Вяземский, р. 18.05.1894 в Московской губ., ум. 06.04.1965 в Москве. Из дворян Вяземских, «приявших начало во второй половине XVI в.», побочной ветви княжеского рода Вяземских. Начальник Бронетанкового училища в Горьком (1935-1938), с 1938 – начальник Бронетанкового училища в Харькове, комбриг. 05.03.1938 арестован и приговорен военным трибуналом МВО по ст. 58-1«б», 8, 11 УК РСФСР к 10 г. ИТЛ. В августе 1943 освобожден «на время военных действий» с присвоением звания подполковника и возвращением наград. Штабной офицер в штабе 3-й гвардейской танковой армии П.С. Рыбалко, полковник (весна 1945), в запасе с 1948. Реабилитирован в 1957. Награды: орден Красного знамени, Красной звезды, Ленина, Отечественной войны 1-й и 2-й ст. и др.

Мать – Нина Георгиевна Лобовикова, р. 15.03.1895 (нов. ст.) в

Вятке, ум. 30.05.1979 в Москве. Указаны и последующие поколения семьи Вяземских: дочери

Елена и Наталья, внучки Екатерина и Маргарита и правнучка Анна 2001 г.р.

Автобиография.

Я Вяземский Михаил Михайлович, родился в семье военно-служащего в г. Ленинграде 14 января 1924г.

В 1932г. поступил в школу, где сначала обучился в начальной, а в 1939г. был принят в ряды ВЛКСМ.

С 1941г. работал шофером сначала в г. Ленинград, а после эвакуации в г. Скалове на заводе №70.

В 1942г. в числе молодежи по комсомольскому набору был призван в ряды армии, и наравлен в спецшколу №3 при Ц.Ш.Т.Д. В декабре 1942г. окончил ее по специальности Ц.Ш.Т.Д. Был десантирован в Крым в партизанский отряд в составе радиота, где работал до мая 1944г.

Следующие годы продолжал службу в рядах советской армии.

В 1947г. был демобилирован из рядов армии, а в марте этого года года поступил на подготовительные курсы при М.Ш.Т.Д. Окончив их и сдав экзамены был зачислен студентом неорганического факультета МХТУ.И.

В 1949г. кроме учебы был членом в рядах ВКП(б) кандидат ВКП(б) с 1945г.

Имею награды медали "Партизану советской войны" и медали "За победу над Германией" К 30-ю ВЛКСМ Был награжден медалью "Грамотой" министра высшего образования.

В имуществе все общественную работу: был членом бюро, секретарем бюро ВЛКСМ, членом комитета РК ВЛКСМ Свейского района, членом бюро РК ВЛКСМ. В настоящее время член бюро партбюро оракулийцев.

Но и в семейных и комсомольских кругах не отстаю.

В данное время женат, имею 1 ребенка.

Отец – Вяземский Михаил Федорович, полковник в отставке, чл. ВКП(б), имеет 14 орденов и медалей. Мать – Вяземская Нина Георгиевна – домхозяйка. Родители проживают в г. Москве Королевское шоссе дом в корпусе 52. кв. 4.

Подпись
21 марта 1952г. *Вяземский*

WASSERREINIGUNG - 1946

*Петр Парфентьевич Линник, выпускник МХТИ 1946 г.,
опубликовано на ПРОЗА.РУ*

Тексту, который публикуется ниже, 67 лет. Согласитесь, срок вылежки солидный, правда и автора уже давно нет с нами. Это не мемуары, ибо всё было написано краткими очерками по горячим следам какого-то этапа или периода. Автор двадцатипятилетний инженер-химик, молодой специалист, закончивший химико-технологический институт им. Менделеева Пётр Линник. В 1946 году его направили в Германию в г. Бернбург, где демонтировался химический гигант Германии «Сольвэ». Оборудование перевозилось в Башкирию в г. Стерлитамак, где строился содовый комбинат. Пётр описал свою поездку и работу в Германии.

Автор не придумал название своему труду, поэтому встал вопрос, как назвать. Ответ подсказал толстый том в добротном твёрдом переплёте, куда Пётр Линник записывал очерки. На обложке тома надпись - «Wasserreinigung» Fabrik 2. Wasserreinigung – в переводе с немецкого - водоочистка.

Линник Пётр Парфентьевич, родился в крестьянской семье

27 апреля 1921 г. в селе Черниговка Запорожской области. В 1932 г. семья переехала в г. Шахты. Отец, Парфентий Захарович, работал на шахте. Пётр с золотой медалью окончил среднюю школу и в 1938 году поступил на химфак Новочеркасского политехнического института. С первых дней войны с третьего курса пошёл добровольцем в армию. Учился в Сталинградском танковом училище. Но по специальному набору, как студент химфака, был отозван и направлен в Военную академию химзащиты. По окончании академии переведён в МХТИ им Менделеева, который окончил в 1946 году и был направлен на строительство Стерлитамакского содового комбината. Оттуда его командировали в Германию. Впоследствии Пётр участвовал в строительстве крупнейшего на юге страны Волгодонского химического комбината, на котором проработал всю свою жизнь. Имел множество изобретений, за что получил звание «Заслуженный изобретатель РСФСР»

И ещё, хотелось бы обратить внимание читателей на то, что очерки написаны в 1946 - 1947 гг. 25-летним молодым человеком, у которого на войне погибли два родных брата. Поэтому, по сегодняшним меркам суждения его местами резки, порой чрезмерно.

На берегах реки Белая

Окончено высшее учебное заведение. (Линник П.П. в 1946 году защитил диплом инженера-технолога Московского химико-технологического института им. Менделеева. Ред.) Проведён последний отпуск на Юге, который какбы подвёл черту этой привольной студенческой жизни, небогатой, но весёлым пирушкам, хождению по

театрам и кинотеатрам столицы. Теперь друзья должны расстаться. Они разъедутся по уголкам необъятной страны, быть может, через несколько лет будут крупными специалистами, руководителями, организаторами. Будут! Но пока это свои ребята, с которыми можно всю поспорить на любую тему, выпить по рюмке- другой «Московской».

Приятное впечатление отпуска, южной весны, подпорчено новостью, которую узнали по приезду в Москву: вместо Славянска мы едем на работу в Стерлитамак. Крупные разговоры в Главсоде, но результат уже был заранее ясен каждому - мы должны ехать в Стерлитамак.

В конце марта собрались в далёкий путь. Ещё вчера я с ужасом всматривался в маленький кружочек на географической карте, а сегодня в вагоне поезда, идущего туда. Ехать, так ехать!

Проехали Симбирск. (в тексте Симбирск, хотя ещё в 1924 году город переименовали в Ульяновск. Ред.) За окнами вагона бескрайние снеговые поля. Снег, сколько глаз человеческий может охватить. Я смотрю в окно, и мне почему-то вспомнился пушкинский Гринёв, примерно в этих местах он отбывал свою ссылку.

Через несколько дней мы добрались до цели. Вот она - площадка Стерлитамакского содового завода, отстоящая от города в пяти – шести километрах. Цех каустической соды, построенный в тяжёлые годы войны, точно пароход, выбрасывал чёрные клубы мазутного дыма. В полукилометре от цеха – четырнадцать барakov, пятнадцатый также почти готов в двух десятках метров от базы производственно-технической комплектации. Вокруг поле, невозможно разобрать, где же берег реки Бе-

лой – всё занесено снегом, вдалеке километров пять – десять, виднелись вершины гор. Ни единого деревца. Жуткая картина! Башкирия, бескрайние твои степи, где гулял Салават Юлаев, ты не для меня!

День – два, и мы познаем прелесть здешней жизни. Жизнь, самая настоящая, суровая и беспощадная, со всей жестокостью ударила нас. Сами условия не позволяли сделать что-либо подходящее. С большим нетерпением мы ожидали телеграмму, которая – бы хоть на немного вытащила нас из этой ямы. Мы ожидали, надеялись, мечтали, но эти ожидания лопались, как мыльный пузырь, мечты расходились, как утренний туман; ожидания превращались в пытку. Воистину сказано: «Нет хуже пытки, чем ждать и ждать». Единственным утешением и развлечением для нас были письма, получаемые из далёкой, но желанной столицы, и моя небольшая радиолка, которая работала до хрипоты с раннего утра до поздней ночи.

Даже пробудившаяся очень рано в этом году река Белая не произвела никакого впечатления, и только появившаяся маленькая зелёная травка как-бы напоминала, что ещё можно на что-то надеяться. И мы надеялись!

В конце апреля наконец получили телеграмму – срочно выезжать в Москву. Этих слов было достаточно, чтобы появились и песни, и радость, и веселье. Ну и как было не веселиться, как через несколько дней мы будем опять в Москве. Пусть даже на день или на два – но в столице. Быстро оформили дела и выехали. Трое суток пути тянулись годами. Нам хотелось, чтобы дни летели часами, а часы – минутами. Но вот, наконец, и Казанский вокзал. Раннее утро.

Ночью прошёл обильный майский дождь. Свежий воздух. Омытая ночным дождём поблескивает игла Казанского. Выш-

ли на Комсомольскую площадь. Москва! Родная моя столица. Как прекрасна ты сейчас в это раннее майское утро 1946 года!

Хорошо знакомыми маршрутами метро мы поехали на Головановский. (вероятно, в студенческое общежитие) Там, совсем недавно мы были своими, ещё свежи наши следы, ещё слышен звон рюмок друзей и товарищей при расставании, ещё памятен последний поцелуй, горячий, выдержанный, трепетно-волнующий.

Подруги встретили тепло, хорошо.

После однодневного отдыха мы пошли в Главсоду. Здесь всё было готово к нашему отъезду в заграничную командировку – в Германию. Но нам не хотелось спешить. Желали как можно больше, не говоря уж о днях, – часов побыть в столице. После нашего пребывания, хотя и кратковременного, в далёкой Башкирии, достопримечательности столицы стали ещё более значительными, более прекрасными.

Теперь я по несколько раз в день проходил по Красной площади, без усталости смотрел на седой, величественный Кремль, вечером любовался мерцанием его рубиновых звёзд, наслаждался величественным боем Кремлёвских курантов на Спасской башне. Посетил мавзолей Ленина, не ленился пройтись вокруг Василия Блаженного, а вечерами ходил в кино, театры, слушал концерты.

Да! А Москва жила своей многомиллионной семьёй, величественно и свободно дышала воздухом второй весны Победы. Москву любят все русские, советские люди, но тот, кто побывал в ней, кто жил в ней, хотя – бы несколько дней, привязывается к столице больше, чем к тому месту, где он родился, где родились его родители.

Я видел Москву октября 1941. Военная столица готова была к сокрушению иноземных захватчиков – немецких оккупантов.

Я видел Москву в июне 1942 года. Победоносный пульс столицы чувствовался во всех уголках родимой земли.

Я видел Москву в июле 1943 года. Своими собственными глазами я смотрел на первый салют столицы своим доблестным войскам, громившим на всех фронтах зарвавшихся оккупантов.

Я видел Москву в июне 1945 года. Парад Победы. Стены кремлёвские и сама Красная площадь были удивлены мощью Советской Армии.

Неуловимо быстро пролетела неделя. Нашу небольшую группу постигло большое горе: мы потеряли своего товарища Константина Архиповича Иващенко. Больше он никогда не скажет: «Мы должны ехать туда, где даже дети разговаривают по-немецки».

В Берлине!

В 4 часа дня, 18 мая 1946 года я впервые ступил на германскую землю, а если без пафоса, то на бетонку одного из берлинских аэродромов. Послышалась лающая, незнакомая речь. Немцы. Немцы дома и мы у них. Во дворе аэропорта подметал немец, заметив нас, он снял шляпу, открыв нам обширную плешь на макушке и отрешённые, с тенью испуга глаза. Здесь же, на аэродроме зашли в буфет, выпили по две кружки немецкого пива. Сказочно дёшево, правда пиво это, по своему качеству, Большого не стоит. Борис Михайлович вспомнил о московском пиве, которое мы пили перед вылетом. Утром были в Москве, а днём в Берлине. Никак не можем прийти в себя, пытаемся как-то освоиться. Вспоминаем некоторые немецкие слова.

Через час из Оперативного штаба пришёл «Студебеккер». Погрузили свой небольшой багаж и поехали. Никто не попытался сообщить, куда нас везут. Через несколько минут, проехав окраины Берлина – небольшие

деревянные домишки, построенные наспех, в которых ютились чванливые жители столицы пресловутого рейха, наша машина выехала на улицы немецкой столицы – Берлина, поверженного в прах силой нашего победоносного оружия. До этого я много читал о разрушениях в Берлине, но то, что я увидел собственными глазами, превзошло все мои ожидания и представления. Можно без особого преувеличения констатировать, что Берлин – это груда развалин. И если приходилось видеть чудом уцелевшее здание или часть квартала, то, как говорится, исключения лишь подтверждали правила.

Вот он – Берлин – перед моими глазами. Этот день в жизни я считаю поистине историческим. После нескольких минут езды по незначительным улицам наша машина вырвалась на широкое, прекрасно асфальтированное шоссе – широкую магистраль. Я моментально сравнил её с нашим московским Садовым кольцом. Оказалось, что это так называемая «Ost–West achsen».

Мы обрадовались, узнав, что проедем мимо рейхстага и прочих бывших достопримечательностей немецкой столицы. На горизонте появился какой-то величественный памятник. Проехав через Бранденбургские ворота, имеющие свою замечательную историю, машина остановилась у памятника. Мне не потребовались объяснения. Его я узнал по снимкам и истории. Так вот ты какой, памятник в честь победы немецкого оружия над Францией в 1879 году! Высоченная, более ста метров, колонна, на которой возвышается позолоченная фигура женщины со знаменем в руках. Немцы называют эту фигуру «Ангел победы». Теперь же этот ангел держит в руках развевающееся трёхцветное знамя Французской республики. Мы вышли из машины, чтобы рассмотреть берлинскую достопримечательность.

Вечерело. К сожалению, у нас не было времени осмотреть детально здание рейхстага. Вечером как-то по-особенному выглядели эти развалины и, хотя воздух стал свежее, можно было различить запах трупов и горелости. И это после года сражений! Видно немало берлинцев покоится под грудами развалин.

Выезжая из Берлина, я обратил внимание на высокую парашютную вышку. Оказывается, она находилась на берлинском стадионе. Том самом, печально известном стадионе, который служил излюбленным местом парадов и смотров Гитлера. С его трибун Гитлер и его сподвижники грозили и западу и востоку, и всему миру, а перед трибунами стояли саженного роста, откормленные белообрывые нацистские гренадеры. Их фюрер бесновался на трибуне, а у них перед глазами мелькали пейзажи Франции, Америки, Украины, Белоруссии. Здесь, вместе с фюрером, они мечтали о мировом господстве, о новом жизненном пространстве, о славе, орденах.

Проехав стадион, машина покатила по ровной, широкой асфальтированной дороге – автостраде. Поистине можно восторгаться такой прекрасной для передвижения дорогой, где человек и машина не испытывают и не ощущают рельефа, но когда вспомнишь, что и эти немые прекрасные вещи были предназначены для убийств и уничтожения людей, миллионов невинных людей. Посмотрите на карту шоссейных дорог Германии, и вы увидите ровные красные линии, как стрелы, пронизывающие Германию, в большинстве случаев с запада на восток – это автострады. Гитлеровские заправилы были разбойниками с большой дороги, поэтому они и строили большие дороги, прекрасно понимая, что мир рано или поздно объединится, что им придется одновременно вести

войну на два фронта. Конечно, по таким автострадам можно было легко перебрасывать войска с запада на восток и обратно со скоростью 80 – 90 км в час. Фриц, таким образом, имел возможность в течение трёх дней убивать французов на своей западной границе и русских – на восточной границе. Не помогли фашистам ни миллионы машин, ни первоклассные автострады!

По сторонам шоссе лес. Я любовался лесом, свежей зеленью, цветом молодой травы и первыми весенними цветами. Воздух здесь был во много раз чище, чем в Берлине. Весенние запахи листвы, убравшей деревья в столь пышные наряды, запахи молодой травы и ранних цветов напоминали мне родную, далёкую Украину. Голова полна разных мыслей. Они приходили и уходили, а машина несла всё вперёд и вперёд. Мельком заметил указатель на развилке дорог с русской надписью – «Потсдам. 5 км». Итак, мы едем в Потсдам! Город этот знаменитый мне знаком по кинофильму «Берлинская конференция» (вып. 1945 г. ЦСДФ, авт. Илья Копалин, Сергей Герасимов. Ред.) Показаны в фильме прекрасные озёра, парки, дома, замки, утопающие в зелени. По счастьювилось полюбоваться этими чудесами воочию.

На следующий день мы выехали на юг Германии – в небольшой городок Бернбург. Этот город и являлся конечным пунктом нашей командировки.

Из Силезского вокзала выехали на Стендаль, а оттуда на Магдебург, где нас уже ожидали три легковых машины с объекта. Сорок километров от Магдебурга до Бернбурга, проехали по дорогам Саксонии и Анкольта за несколько минут.

Бернбургский объект

Бернбург - город медведь. Небольшой живописный городишко, которых в Германии немало.

Рекой Заале город делится на две части. Замок на берегу реки с неприступными стенами, вероятно, во времена тридцатилетней войны служил надёжным укрытием от недругов князя Анхальт-бернбургского Кристиана. Русская императрица Екатерина II родом по отцу из этих мест была принцессой Анхальтской.

Заняли номера в гостинице «Золотой шар» на Вильгельмштрассе. Прошли по улицам города. Какая разница в климате! Уезжая из Башкирии мы видели ещё не растаявший снег, а на разбухшей от паводка Белой наблюдали плывущие большие куски льда. Москва нас порадовала робкой зеленью травы и распустившимися почками на деревьях. А здесь буйство зелёного царства, даже зацветают розы, которых здесь в изобилии. Признаться, всё это производило на нас сильное впечатление и мы не уставали восторгаться красотами местной природы. Здешние

немцы выглядят лучше, чем берлинцы. Вероятно, ещё могли доставать кое-что из питания.

Я остался довольным назначением, так как оно предоставляло целый ряд возможностей для профессионального роста: 1) Знакомство с технологическим оборудованием получения каустика, 2) Опыт работы с массой людей, 3) Работа совместно с немецкими мастерами и инженерами, что позволило бы изучать немецкий опыт в процессе работы. Это, я считал, было бы самым ценным. Полковник сказал, что начальником объекта «Каустика» работает инженер Крапухин Борис Алексеевич.

На следующий день ровно в семь я был уже возле цеха. Только сейчас воочию увидел, сколько немцев работало на демонтаже и консервации цеха каустика. До тысячи человек! С началом работы я пошёл осматривать цех, рабочие места. Перед моими глазами за два часа вырисовы-

валась грандиозная картина демонтажных работ. Все проходы, переходы, площади заставлены аппаратами. Целая армия немцев ещё продолжала демонтаж оборудования. Большая группа женщин занималась очисткой и покраской аппаратуры.

Два часа наблюдения за этим процессом значительно подняли моё настроение. Преисполненный бодростью и энергией, я отправился в цеховое бюро. Инженер только что пришёл. Мрачный сидел он за своим столом, сжимая руками взлохмаченную голову. Видимо, перебрал малость мой шеф с вечера. Поздоровались.

- Ну, как впечатление? - спросил он.

Я ответил, что первое впечатление неплохое, как будет дальше – посмотрим.

Затем мы пошли по цеху вместе. Он мне представил обер-мастера Хегематтера, мастеров Вандонельса, Коха и др. Все

они были в белых костюмах, что резко выделяло их из общей массы работников и позволяло быстро отыскать. Через переводчика я представился и сказал мастерам о том, что будем работать вместе и работать лучше, чем раньше. Они отвечали с энтузиазмом, хотя из-под очков на меня смотрели холодные глаза с плохо скрытым презрением и даже ненавистью.

Пошли дальше. Вот работает группа немцев - мужчин. Они демонтируют бункер высотой в три этажа. Я смотрю на эту «высшую расу» и мне становится смешно. Видимо доктор Геббельс за образца «высшей расы» брал себя. Если это так, то нет возражений. А эти представители «высшей расы», которые сейчас были перед моими глазами, все вместе не стоили нашего последнего мужичка с рязанской губернии.

Когда мы стояли перед бункером, к нам подошёл мастер Хегематтер. Он что-то крикнул по-немецки наверх, и оттуда, вместо ответа, послышались многочисленные удары молотков.

- Заработали,- флегматично заметил инженер.

Мы направились в бюро. Мой шеф прошёл несколько шагов, а затем, как бы вспомнив что-то важное, внезапно остановился,

- Да, я Вам хочу сразу же продемонстрировать некоторые образчики работы.

Зашли в компрессорную станцию углепомольного отделения. Здесь стояло несколько ящиков. Первое, что бросилось в глаза это то, что на всех ящиках солидной величины были безграмотные надписи: «Привет Родине!» «Родина получай!» и пр. Борис Алексеевич показал мне содержимое ящиков. В них ценнейшее оборудование. Упаковка проста до безобразия и столь же безобразна. Ящик из досок, в ящике компрессор без крепления, без «салазок», распорок и пр.

- Уверяю Вас, что таким образом упакованный компрессор

Родина не получит – сказал с тревогой в голосе инженер. Излишне говорить, что это варварское отношение к ценному оборудованию.

Я спросил:

- Кто же это так расстарался?

- К сожалению, наши солдаты,- ответил он.

- Ведь это полная техническая безграмотность, более того – вредительство,-возмутился я.

- На «Каустике» - ещё более или менее, на энергообъекте дело совсем швах.

- Расскажите?- попросил я.

- Завтра оперативка, услышите сами. Александр Александрович будет отчитываться.

Поздно вечером я лёг в постель, но долго не мог уснуть. То, что я увидел сегодня, меня по-настоящему взволновало: ведь это только начало большого дела. Демонтированное оборудование лежало сейчас на земле. Его надо было тщательно очистить, покрасить, перебросить за тысячи километров и там снова выстроить завод, который должен выдавать продукцию.

Сколько для этого потребуется времени? Если, как это записано в пятилетнем плане, Стерлитамакский содовый завод уже в 1950 году будет давать продукцию, то я не по книжкам, рассказам и кинофильмам, а в действительности увижу это.

Тогда, тогда всему миру ещё и ещё раз придётся «снять шляпу» перед социалистической системой ведения хозяйства.

В конференц-зале Бернбургского содового завода фирмы «Сольвэ» стоит громадный овальный стол, покрытый зелёным сукном. На стене большая картина в тяжёлой, позолоченной раме – величественная панорама завода, напротив - портрет легендарного бельгийца Эрнста Сольвэ, основателя компании «Сольвэ». Вокруг стола на удобных кожаных креслах разместились советские инженеры.

С виду офицеры, от полков-

ника до лейтенанта, но все инженеры. Могли бы стены этого амбициозного конференц-зала ещё пяток лет назад предположить о «компании», которая сегодня собралась вокруг внушительного стола? Нет, конечно!

Седой подполковник, с орлиным носом, начальник энергообъекта – Александр Александрович Орлов. Ему около шестидесяти. Сорок лет своей жизни он отдал производству. Почтенный старый специалист, прекрасный инженер- котельщик. Но сегодня он отчитывается перед теми, кто ему гош в сыновья. Ничего не поделаешь! Промаяхнул старик. Ценнейшее электрооборудование, электромоторы упаковывались без необходимой консервации, при погрузке ящики рассыпались, как спичечные коробки, моторы вывалились под откос. Просмотрел, если не сказать проворонил. Полковник Лундин, начальник объекта, представляет ему слово. В конференц-зале тишина. Слышно, как в коридоре немцы ходят на цыпочках.

Александр Александрович начал, медленно, веско.

- Нужно прямо сказать, что я и мои помощники на объекте проморгали, но всё это можно исправить.

И старый специалист начал излагать практические мероприятия по ликвидации последствий недосмотра. Но этим подполковнику отделаться не удалось. Его отчёт был подвергнут всесторонней критике. И вот только тогда я впервые ощутил, что не всё на объекте идёт гладко, что не всё время немцы бывают так послушны, как это кажется. Да, этот волк в овечьей шкуре делает своё гнусное дело. И эти моторы были первым доказательством того, что борьба идёт, борьба продолжается. Это говорит о том, что бдительность здесь нужна, как нигде.

- Смотри за немцем в оба,- заключил полковник.

С первых дней работы я стал внимательно присматриваться к немцам.

Июнь 1946 года в Германии выдался жарким. С раннего утра начинало жечь солнце, медленно, но неумолимо прибавляя с каждой минутой. К обеду уже стояла такая духота, что становилось просто невыносимо. Со дня на день ожидали дождь, который хотя бы немного изменил погоду и умерил жару. Напрасно. А работа шла. Потянулись однообразные рабочие будни. Всё чаще и чаще инженер Крапучин оставлял меня одного на объекте, уезжая в какие-то загадочные командировки, но теперь мне уже было не страшно: всё знал, что где и как делается.

Ежедневно обер-мастер Хегематтер давал сводки о демонстраже, консервации и упаковке. Я изучал эти цифры, сравнивал с действительностью. Достаточно было одной недели, чтобы выявить грубые расхождения отчётности с реальностью. В конце недели проверил ещё раз. Обман, обман чистой воды! Это меня вскипятило. Приказал переводчику прислать ко мне обер-мастера. Он явился незадолго поздравовался и стал в послушной позе, готовый слушать дальнейшие распоряжения. Я посмотрел на него. В этой позе его было что-то насмешливое и вместе с тем вызывающее. Моё сердце заклокотало. Я знал его биографию. Ему - 58 лет, из них сорок лет работает в «Каустике». До капитуляции правая рука шефа цеха, который был матёрым фашистом. Да и сам, небось, от своего экс-шефа недалеко ушёл. По душе ли ему было, что на месте его начальника, сидит советский инженер, руководит и приказывает?

Я не пригласил его сесть, и он по-прежнему стоял. В моей голове роились мысли, требующие крепких русских слов для озвучивания. Но надо сдержаться. У

нас своя русская культура и плевал я на эту немецкую хваленую культуру. Пригласил из соседней комнаты переводчика.

- Господин Хегематтер, вот ваши сводки, но ни одна из них не соответствует действительности. Мы Вам верим, но кому нужен этот обман?

- Ви зо? – спросил немец, выслушав переводчика.

- Только без этого, я всё тщательно проверил, потому ошибки быть не может! Прошу Вас, господин Хегематтер говорить и объясняться по существу!

Слышу, как переводчик дипломатически сглаживает острые углы при переводе.

Тем не менее, обер-мастер, видимо, понял, что невинным ягнёнком далее прикидываться бессмысленно, но, обдумывая оправдания, помалкивал. Я продолжил:

- По Вашим сводкам за последнюю неделю выкрашено 1830 квадратных метров. Покажите мне хотя бы половину этой площади.

Известно, что немцы любят точность в цифрах, но русские также не отказываются от неё. После этой фразы, обер-мастер произнёс длинный дискурс и, если бы я не остановил, говорил бы ещё.

- Достаточно, переводчик переведите!

Переводчик перевёл, что сводки обер-мастеру дают мастера, что работы много и он не успевает контролировать их данные, но, что он будет стараться в будущем проверять. Дальше он добавил, что некоторые мастера не выполняют его распоряжений.

- Назовите фамилии этих мастеров.

Разумеется, Хегематтер уклонился от конкретики.

По пути в гостиницу я думал, что надо более внимательно следить за процессом, вникать в проблемы, изучать методы работы мастеров и рабочих.

Обеденный перерыв ещё не

окончился. Я сижу в бюро. В цеху непривычная тишина, особливо ощущаемая после шума, грохота и ударов по металлу в рабочие часы. Вдруг в цеху поднялся крик. В чём дело?

Через минуту ко мне вбежал весь бледный и дрожащий мастер Вандонелис. Он, волнуясь сказал:

- Инженер, горят ящики в компрессорной. Бросились в компрессорную. Там, действительно, горели три громадных, как пароходы, ящика. Полная компрессорная дыма. Чёрт возьми! Через минуту прибыли пожарники. Потушили. В ящиках находились части компрессора. Явный саботаж, активный саботаж. Этим вопросом занялся СМЕРШ, многих немцев посадили. Мастера от многочисленных допросов больше недели ходили бледные, говорили со мной каким-то приглушённым голосом, но зато на рабочих в цеху кричали ещё сильнее и дело немного пошло быстрее.

Уехал в далёкий путь на Родину с транспортом оборудования Пётр Михайлович Коповой. Произошло всё неожиданно и скоро. Сидели после работы, баловались в картишки, телефонный звонок, попросили Копового. И уже по выражению его лица можно было судить, что дело серьёзное. Через несколько минут приехал подполковник Прозоров и увёз Копового к начальнику объекта полковнику Лундину. Лишь поздним вечером Пётр Михайлович вернулся и сообщил:

- Завтра уезжаю с эшелоном в Стерлитамак! Выпили немножко за отъезд товарища. Рано или поздно все мы должны выехать с транспортом. Труднейший двухмесячный путь!

ЖИЗНЬ В ПОДЛИННИКАХ

Документы из архива академика В.В. Коршака

Василий Владимирович Коршак (1909 - 1988) – питомец и гордость Менделеевки. Студент, аспирант, ассистент, доцент, профессор, академик АН СССР. Заведующий кафедрой №3 специфаккультета № 138 (1938–1953), заведующий кафедрой технологии пластмасс (1958–1988). Один из плеяды великих наших выпускников. Документы из архива семьи любезно предоставлены сыном – Юрием Васильевичем, профессором кафедры инновационных материалов РХТУ.

1. Справка МХТИ им. Д.И. Менделеева от 30 декабря 1941 г. «Тов. Коршак В.В. работает в МХТИ им. Д.И. Менделеева в должности доцента, зав. каф. 138 ф-та. Дана для предоставления в военкомат».

Ясно, что справка выдана в Коканде, где МХТИ находился в эвакуации вместе со всем руководством. Приказ директор МХТИ №26 от 25.12.1941 г. сообщает, что кафедра №3 факультета №138 состояла из трех преподавателей:

- вр.и.о. зав. каф. Коршак В.В.
- ст. препод. И.И. Юкельсон
- ассистент Ю.А. Стрепихеев

Согласно приказу директора МХТИ №37 от 10.02.1942 г. и.о.зав. каф. Коршак В.В. был откомандирован в Москву, где работал в Государственном комитете обороны, о чем свидетельствует справка Уполномоченного ГКО от сентября 1943 г.

2. «Т. Коршак В.В. работал помощником Уполномоченного Государственного комитета обороны с 20 марта 1942 г. по 10 мая 1943 г. Гербовая печать Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР, подпись С. Балезин. Напомним, что Уполномоченным ГКО в годы войны был Сергей Васильевич Кафтанов, выпускник МХТИ 1930 г.

3. 1944 г. – пропуск № 039239 на право беспрепятственного движения по гор. Москве позже 01 часа (военное положение в городе). Документ напоминает о работе В.В. Коршака в ЦК ВКП(б) инструктором, затем заведующим отдела науки.

4. 4 марта 1946 г. Диплом ВАК: «Гражданину Коршак Василию Владимировичу присуждена ученая степень доктора химических наук». Подпись – Председатель ВАК С. Кафтанов.

5. 16 октября 1946 г. – пропуск в Кремль на вечернее заседание второй послевоенной сессии Верховного Совета СССР (15-18 октября 1946 г.). Коршак в те дни работник ЦК ВКП(б).

6. 20 марта 1948 г. Распоряжение № 231 Президиума АН СССР «Утвердить дхн Коршака В.В. заместителем директора Ин-

ститута органической химии АН СССР». Этот документ (как бы странно это не звучало) определил окончательно научную стезю 39-летнего профессора.

7. 12 апреля 1949 г. Информация о присуждении Сталинской премии за научные исследования в области высокомолекулярных соединений.

8. Рукописное поздравление с этим событием от руководства МХТИ. Подписи: директор Жаворонков Н.М., профессора Лосев И.П., Андреев К.К.

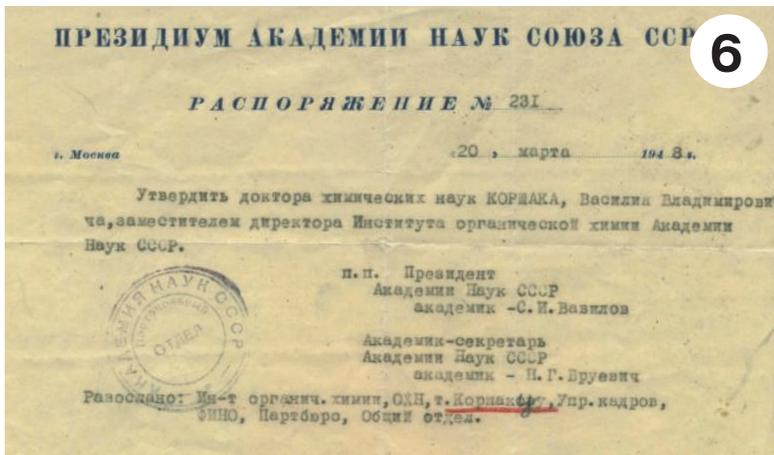

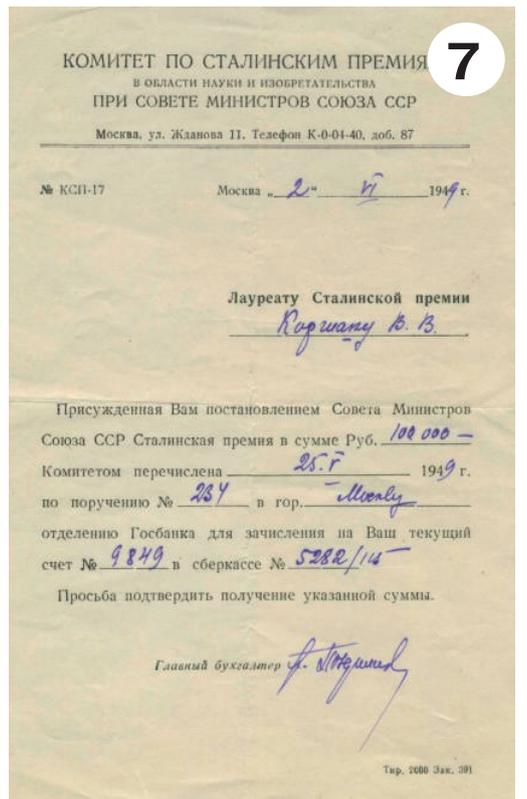
4

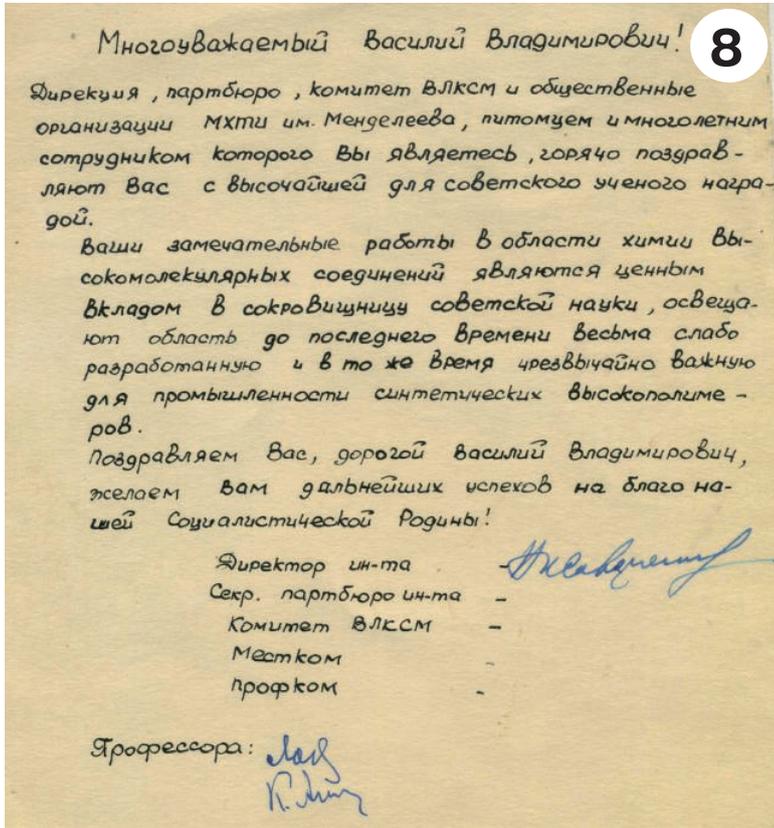
5

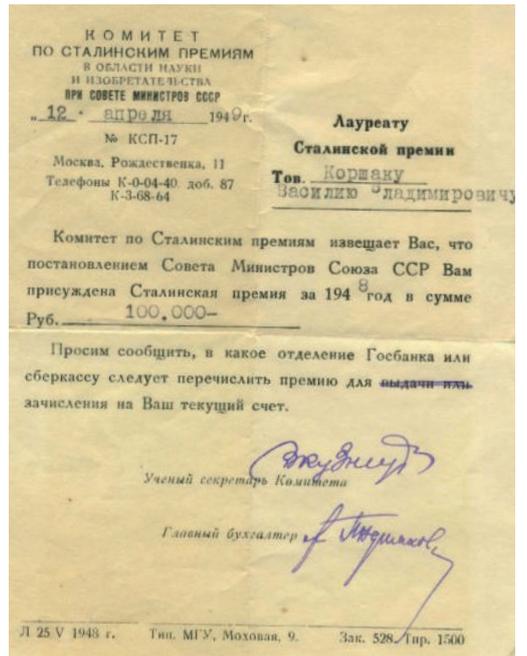
6

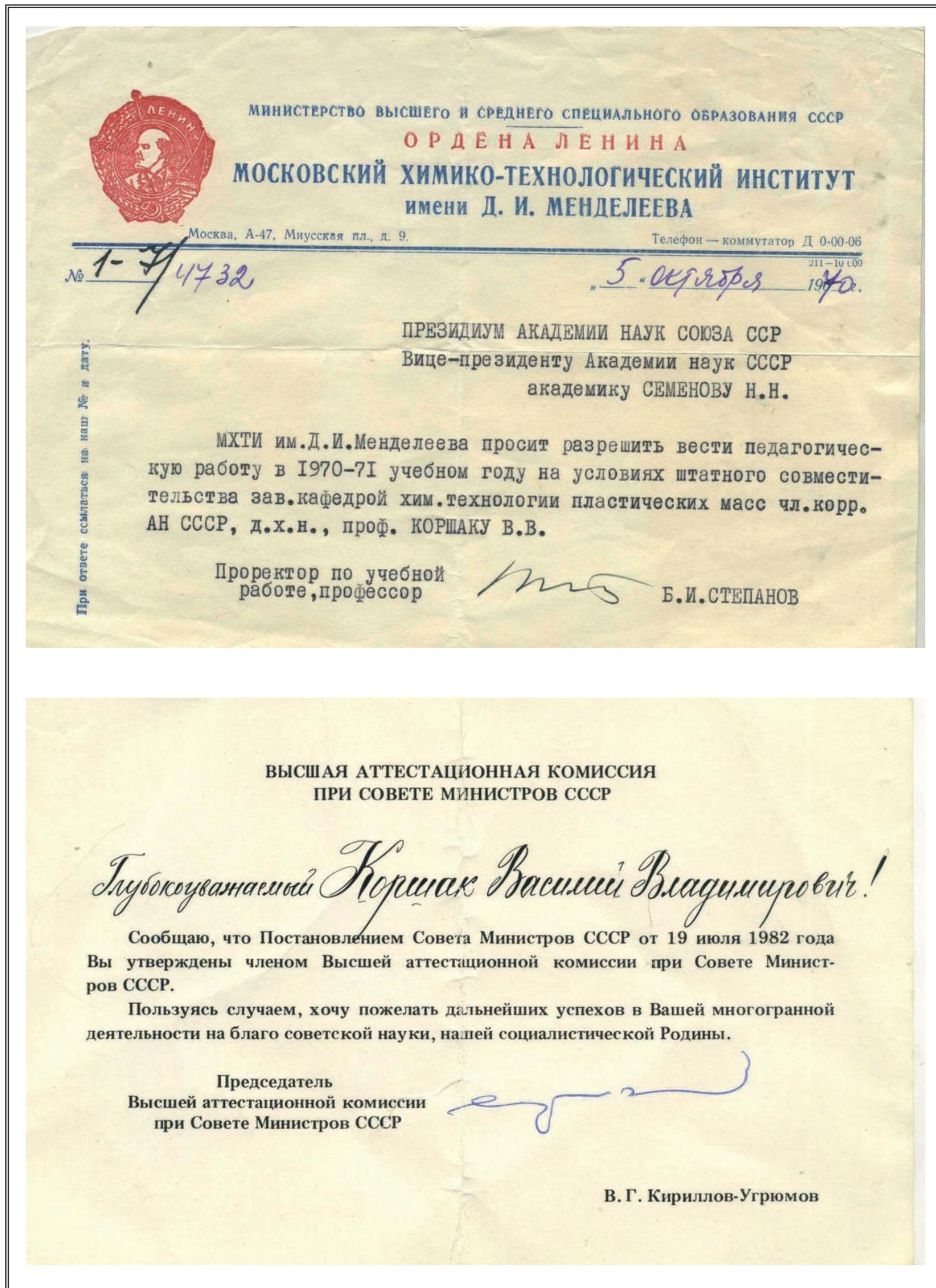

7

8

**Центр истории
РХТУ им. Д.И. Менделеева**